E20 1126

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК Р.К.П.(Б) ПО ИЗУЧЕНИЮ
ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
и Р.К.П.(Б)

АН. ГЕРАСИМОВ

КРАСНЫЙ БРОНЕНОСЕЦ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД - 1925

52191/8

E20/1126

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РКП (б)

АН. ГЕРАСИМОВ

323.2(47)„1905

КРАСНЫЙ БРОНЕНОСЕЦ

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В 1905 ГОДУ НА БРОНЕНОСЦЕ „ПОТЕМКИН ТАВРИЧЕСКИЙ“

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ... ПРОФЕССУР
52191/8
№

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД :: 1925

Ленинградский Г'ублит № 13554. Тираж 8.130—7 л. Зак. № 942

ОТ ИСТПАРТА.

Вооруженное восстание на броненосце „Потемкин“ является одним из важнейших звеньев в цепи событий первой революции, и потому знакомство с этим восстанием является насущной потребностью всякого сознательного рабочего и крестьянина, партийного и беспартийного.

Работа т. Герасимова и ставит своей задачей удовлетворить эту потребность путем научно-популярного изложения истории вооруженного восстания черноморцев против царского самодержавия. Благодаря живости описания событий, основанного на критическом использовании архивных материалов (судебно-следственного материала и обвинительного акта, еще не опубликованного), газет 1905 года, воспоминаний непосредственных участников восстания и различных вышедших из печати сборников и книг (см. в конце книги библиографию), работа т. Герасимова достаточно успешно выполняет намеченную задачу и потому является полезной, несмотря на целый ряд вышедших брошюр и сборников, посвященных тому же восстанию.

„...Переход „Потемкина“ на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу, в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами“...

Ленин.

„Прошли века: рассеялась, как сон, странная сказка о корабле-скитальце, носившем бремя преступлений буржуазии.

„Но сами эти преступления остались неискупленными; они накоплялись и росли... Рожденный смелой мыслью и страшной жаждой свободы, появился опять на волнах моря корабль-скиталец — не призрак, не порождение неспокойной совести, — нет!

„Могучий броненосец, полный боевой отваги, гордо поднявший на свободной стихии красное знамя свободы“.

В. Воровский.

ВВЕДЕНИЕ.

Восстание на броненосце „Князь Потемкин-Таврический“, сильнейшем из броненосцев Черноморского флота, восстание, отдавшее на 11 дней во власть матросов-революционеров грозную плавучую крепость и нежданным громом разразившееся над головами царских сатрапов, является одним из знаменательнейших событий в истории русской революции 1905 года.

Поражение, вернее,—неуспех (открытого столкновения с врагом не было) восстания на „Потемкине-Таврическом“, как бы силен ни был красный броненосец, являлся неизбежным. Для этого было много причин.

Следует вспомнить слова К. Маркса, завещавшего нам, что революционное восстание, „как и война, есть искусство“, и преподавшего потомству главные правила этого искусства: „Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо итти до конца“.

„Необходимо собрать больший перевес сил в решающем месте, в решающий момент, иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит восставших“.

„Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно переходить в наступление. Оборона есть смерть вооруженного восстания“.

„Надо стараться захватить врасплох неприятеля“.

„Надо добиваться ежедневно хотя маленьких успехов, поддерживая во что бы то ни стало моральный перевес“.

Эти правила, между прочим, напомнил перед Съездом Советов в октябре 1917 года т. Ленин в своей статье „Советы постороннего“,—они, в особенности первые три, не были выполнены в восстании 1905 года на „Потемкине-Таврическом“ и отсюда его неуспех. Начать хотя бы с того, что пламя восстания вспыхнуло преждевременно,—не ожидая общей команды к выступлению в бой, как было

условлено. Севастопольский Комитет Р.С.-Д.Р.П., имевший непрерывную связь с Черноморским флотом и ведший среди матросов усиленную пропаганду, считаясь с назревшим бунтарским настроением матросов, рвавшихся в бой, решил вопрос о восстании во флоте в положительном смысле и наметил план его. Согласно этого плана, восстание должно было произойти одновременно на всей эскадре, когда последняя соберется на учебную кампанию 1905 г. к острову Тендра. Но намеченный план был бесповоротно нарушен броненосцем „Кн. Потемкин-Таврический", команда которого, не дождавшись в бухте Тендра остальных кораблей, начала восстание. Но ничего удивительного в этом преждевременном восстании матросов мы не найдем, если перенесемся мысленно в ту обстановку, в ту насыщенную брожением и недовольством атмосферу, которая была в 1905 году в России.

Мы знаем предшествующую 1905 году политику царского правительства, „игру в доверие", последовавшую за казнью Плеве и порученную генералу-министру Святополк-Мирскому, помним и эру банкетов либеральной буржуазии.

Эта „игра" оставила равнодушной ту силу, которая историческим ходом событий выдвигалась на сцену—пролетариат. Не осознавший еще своего положения, не сорганизовавшийся в мощную армию, не имевший впереди себя опытного вождя—партии, не отказавшийся еще от жалких, туманивших его мысль, иллюзий, российский пролетариат должен был пережить тяжелые, кровавые уроки. 9-ое января расстреляло иллюзию „царя-батюшки", а диктатура Трепова, обещавшего „патронов не жалеть" для рабочих, убила в них последние остатки упований на милости сверху и на мирный исход борьбы. Ответом на кровавое воскресенье была прокатившаяся по всей России могучая волна забастовок, и каждый новый день 1905 года все более обострял политическое сознание трудовых масс.

Русско-японская война, потребовавшая тысячи жертв и принесшая разгром армии в Манчжурии и гибель флота у Цусимы, застой промышленности и день ото дня растущая дороговизна жизни, оставляющие за собой кровавый след налеты генералов-усмирителей на деревню, сжигающую помещичьи усадьбы,—все это рождало брожение не только в рабочей среде, но и в армии и флоте, особенно в последнем.

На ряду с общими российскими условиями, в том же направлении действовал и „внутренний быт" моряков: беспросветный казарменно-полицейский режим, беспощадная муштровка на корабле и на суше, жестокие телесные нака-

зания и кулачная расправа, издевательство над „нижними чинами“, явное воровство начальства, экономившего на пище и обуви матросов и пр.

Одурманенные „всей полнотой власти“, г.г. адмиралы и офицеры не видели и не хотели видеть той накопляющейся день ото дня силы протеста, которая созревала и росла в матросской массе и ждала исхода в революционных действиях.

Вполне понятной является наибольшая сознательность и наивысшая революционная отзывчивость матросов: самые условия их „службы“—в борьбе с грозной стихией, в отличие от армии, запертой в промозглые казармы, сообщали им черты мужества, инициативы, бесстрашия. Немалое влияние оказывали заграничные плавания; побывавшие в чужих странах моряки еще ярче чувствовали и больнее переживали все безобразия, ожидающие их на родине. Помимо этого, флот давал благодарный материал для революционных выступлений. Для занятия технических должностей на военных судах приходилось обращаться на заводы и фабрики, отбирая оттуда высоко-квалифицированных рабочих (слесарей, монтеров, машинистов, механиков и т. п.) — таким образом, рабочий элемент неизбежно вливался во флот. И, по счастливому выражению т. Раскольникова, пролетарское прошлое судовых команд являлось той „пуповиной, которая соединяет матросов с фабрикой и придает ему особый социальный облик“ [1]). Да и самая работа на „плавучей крепости“ с ее сложнейшими машинами и усовершенствованными орудиями сближала броненосец с фабрикой. К этому следует еще добавить, что для экзамена на некоторые технические должности (минно-машинистов, комендоров, водолазов, стрелков и т. п.) моряков Черноморского флота отправляли в Петербург или Кронштадт; и, общаясь там с товарищами, более развитыми, начитанными и часто уже распропагандированными, военморы возвращались на корабль с некоторой политической подготовкой. Порой само высшее начальство в лице вице-адмирала (Чухнина) помогало распропагандированию матросов, посылая их в город на казенные работы: приходя в близкое общение с рабочими, давно захваченными пропагандой, матросы заводили связи и знакомились с программами революционных партий.

В итоге — матросская среда, в особенности верхний слой в лице технически обученных моряков, представляла собой благодарную почву для посева революционных идей,

---

[1]) Ф. Раскольников: „Революционный Кронштадт“, 1918 г.

и этот посев производился партийными организациями Севастополя, где стояла Черноморская эскадра, весьма усердно. Пропаганду вели одновременно две партии—с.-р. и с.-д., при чем в последней уже выявился раскол между большевиками и меньшевиками, не мало сил и времени затрачивавших на полемику. В результате, по словам современника Потемкинского восстания т. Жукова („Восстание на „Потемкине"), трудно было сказать, в какой мере руководила начавшимся стихйным ростом та или иная партийная организация; „верно лишь то, что целиком этим движением не удалось овладеть ни одной из них". Необходимо оговориться, однако, что это может быть „верно" по отношению к подготовке восстания на „Потемкине" и к первому моменту его, до прихода броненосца в Одессу; здесь на борт мятежного корабля взошли уполномоченные Р.С.-Д.Р.П. Кирилл [1]) и Фельдман и, войдя в контакт с застрельщиками восстания—матросами, состоящими членами с.-д. партии, все время работали в Судовой Комиссии, руководившей красным броненосцем, и пользовались известным влиянием. С этого момента „Потемкин" шел под знаменем Р.С.-Д.Р.П. Добавим к этому, что, по свидетельству военморов — севастопольцев, и накануне восстания партия с.-р-ов пользовалась в общем меньшими симпатиями среди матросов, чем Р.С.-Д.Р.П.

Не раз, передавали нам севастопольцы, бывали случаи, когда матросы не хотели слушать пропагандиста социалиста-революционера. О том же говорят следующие строки сообщения Одесской группы Р.С.-Д.Р.П. об июньских днях в Одессе [2]): „Считаем необходимым отметить, что вообще к социал-демократам матросы относились в высшей степени доверчиво и даже попросили удалиться явившегося на броненосец соц.-революционера, заявив, что рабочей партией они признают только соц.-демократическую".

Тем не менее, неумолимые факты говорят нам, что партии с.-д. не удалось овладеть восстанием, а ее делегатам—подчинить своему руководству матросскую массу „Потемкина", несмотря на то, что среди команды броненосца была значительная группа членов партии. Объяснение этому надо искать, помимо крупных недочетов в самой партийной организации, в той характерной для 1905 года стихийности восстания на „Потемкине-Таврическом", когда, по словам современников, передовые борцы, хотя

---

[1]) Кирилл — А. П. Бржезовский, член Одесской группы меньшевиков. *Ред.*

[2]) „Революционный броненосец", Харьков. Изд. Р.С.-Д.Р.П. 1917 г.

и шли впереди толпы, но в большинстве случаев не овладевали стихией, а сами оказывались во власти ее.

Стихийность революционного движения во флоте создавалась всей окружающей обстановкой — и обще-российскими событиями, и местными „каторжными“ условиями. Матросская масса, подвинчиваемая репрессиями, была преисполнена жаждой протеста, и потребность действий здесь, без сомнения, оставляла далеко позади себя организованное восстание. „Революция вспыхнула, говорит в своем очерке упоминавшийся нами военмор Жуков,—не по намеченному плану, а стихийно, как порох от неосторожного удара“. Этим „ударом“ на „Потемкине“ оказалось такое сравнительно незначительное обстоятельство, — как дурное качество мяса в обеде матросов, что, по словам „потемкинца“ — инженера-механика Коваленко, вовсе не было необычным явлением, и такие случаи „не выходили из рамок простого недоразумения между командой и судовым начальством“. Но в последнее время среди матросов наблюдалось какое-то недовольство и нарастающее возбуждение. И, совершенно правильно объясняя это тем исключительным настроением, которое в 1905 году сделалось общим для всей народной массы, Коваленко говорит: „Недовольство современным порядком вещей, ненависть к существующему строю и его официальным и неофициальным представителям, готовность *при всяком поводе* (курсив наш, *А. Г.*) вступить в бой с врагами столь желанного освобождения—вот главные, более или менее ясно сознаваемые элементы этого настроения“ [1]). Естественно, что при таком настроении матрос, тем более, тронутый пропагандой, все факты своей будничной жизни рассматривал по-иному и в том, что прежде было для него „простым недоразумением“, теперь он видел „проявление все того же всероссийского общенародного зла“. И не удивительно, что в этой напряженной атмосфере не представляющий ничего необычайного инцидент с червивым мясом явился той искрой, от которой вспыхнул пожар 14 июня 1905 года на „Кн. Потемкине-Таврическом“.

Эта рожденная жизнью, спутавшая все планы Севастопольской организации стихийность, овладеть которой не могла, как увидим впоследствии, авторитетная Судовая Комиссия, наложила свою печать на всю эпопею броненосца-мятежника, осужденного ограничиться лишь попыткой завоевать Черноморское побережье.

---

[1]) Коваленко. „11 дней на «Потемкине - Таврическом»“. «Былое» 1907 г.

С достаточной ясностью рисуют в своих воспоминаниях Кирилл, Фельдман и инженер Коваленко „неустойчивость“ матросской массы, возвышающейся в решительную минуту (встречи с эскадрой) до истинного героизма и под влиянием неудач быстро впадающей в разочарование, даже панику. „Грозный «Потемкин»,—пишет Коваленко,—наблюдавший разлад в команде, одухотворен, очевидно, не цельной героической душой, а душой коллективной, с весьма сложной психологией“. Овладеть кому-либо этой душой не удалось: „И нельзя было ждать единодушия от этих 760 человек, которых судьба случайно свела на броненосце, из которых многие еще не знали друг друга“. Определяя численность людей, „решительно настроенных, готовых стоять до конца“ в 250 человек, Коваленко добавляет, что остальная часть команды... „весьма неустойчивая, легко поддающаяся различным влияниям, быстро падающая духом“. А между тем эта неокрепшая духом масса, вступившая на стезю революции, была хозяином броненосца, ее велениям подчинялась Судовая Комиссия „Потемкина“, через ее вотум шли решения Комиссии. Но не это одно, конечно, предопределяло неудачу потемкинского восстания. Мы ясно увидим преграды, стоявшие на пути вступившего в бой „Потемкина“, следя за его 11-дневными странствованиями по Черному морю, а здесь укажем лишь главные: во-первых, — неподготовленность революционных организаций, соц.-демократической партии в частности, к тому, чтобы овладеть восстанием на „Потемкине-Таврическом“ и, что было очень важно, объединить его с рабочей забастовкой в Одессе и направить в единое русло; во-вторых,— отсутствие прочной связи между „морем и берегом“, т.-е. прибывшим в Одессу революционным броненосцем и бастующей рабочей массой; в третьих,—отсутствие определенного плана у партийных организаций и их оторванность от масс. Мы не будем останавливаться на второстепенных обстоятельствах, оказавших отрицательное влияние на ход восстания: отсутствие энергичного, решительного вождя, который властно подчинил бы своему авторитету команду „Потемкина“, мягкая политика по отношению к контр-революционному элементу (кондукторам), измена присоединившегося было к восставшим „Георгия Победоносца“, стрельба по потемкинцам войск и т. д. Целый ряд фактов вел „Потемкина“ с неумолимой неизбежностью к печальному концу—к спуску красного флага в Румынии.

И тем не менее 11 дней „Потемкина-Таврического“— первое вооруженное восстание во флоте—войдут в историю русской революции, как один из знаменательных эпизодов

ее, полный значения для будущего, как исторический акт, органически выросший из предшествующих событий экономического и политического характера и как яркий показатель загоревшейся борьбы — борьбы не на жизнь, а на смерть — двух враждебных классов, отражающей в своей начальной стадии все ошибки и слабости восставших.

I. Накануне восстания.

Мы говорили уже, что революционная пропаганда, которую вели партийные работники среди матросов Черноморского флота, находила здесь благодарную почву.

И надо отдать справедливость морскому начальству всех рангов: своими „бичами и скорпионами“ оно как нельзя лучше способствовало взрыхлению этой почвы, добросовестно подготовляя восстание. С водворением на посту командующего флотом вице-адмирала Чухнина (1904 г.), репрессии, и без того суровые, усиливаются, жестокая муштровка и унижение матросов превосходят всякие меры, и моряки положительно задыхаются в этой атмосфере бесправия и произвола. Характерным для царствования Чухнина является его приказ по флоту, которым под угрозой тюрьмы матросам запрещается ходить в Севастополе по бульварам, по главной улице и двум аллеям. Этот приказ стоил приобретшего историческую известность объявления во Владивостоке, гласившего, что „в сад вход собакам и нижним чинам воспрещается“. Телесные наказания и кулачная расправа, применявшиеся и до Чухнина, при нем расцвели пышным цветом. С каким увлечением отдавались кулачной расправе г.г. офицеры, свидетельствует красноречивый факт: от удара по уху у матросов лопалась барабанная перепонка. Образчиком же той выучки, которой подвергали матросов держиморды в офицерских погонах, может служить такой эпизод, имевший место в Севастополе:

— Как меня зовут? — спрашивает офицер матроса, попавшегося ему на улице.

— Не знаю, ваше благородие.

— В таком случае представлюсь! — следуют два страшных удара кулаком по лицу матроса. — Надо ли говорить, какие чувства к „начальству“ воспитывали такие эксперименты в матросской среде?

Наказания, в том числе и телесные, за малейшее нарушение жесточайшего казарменного режима, рассыпались щедрой рукой, и особенно строго каралось все сколько-нибудь намекающее на „политику“. За чтение непросмотренных (хотя бы и разрешенных царской цензурой) брошюр, матросу или сокращали жалование (и без того жалкое), или назначали ему 30 часов под ружьем! Практиковались и другие меры наказания—карцер, стояние под винтовкой с грузом на шее (землей) в $1^1/_2$ пуда; особенно чувствовалось матросами лишение права отпуска из казармы и т. п. Испытывая такие „попечения“ начальства, матросы в то же время явно обворовывались последним, должны были жить впроголодь, питаться скверным обедом („не борщ, а помои“), покупать чай и сахар на свои деньги и т. д. Все это рождало чувство протеста, вырывающееся наружу: вспыхивают первые беспорядочные, стихийные бунты. Один из них разыгрался в 1904 году. Суда эскадры вернулись из практического плавания, после чего команду по положению „списывают на берег“, и она имеет право до известного часа отлучаться из экипажа в город. Матросы охотно пользовались этим правом, — там они соприкасались с живой жизнью, она революционизировала их. Волновала позорная война-авантюра, нагромоздившая уже горы трупов, будировали моряков беседы с прибывшими в Севастополь изувеченными порт-артурцами, изведавшими всю прелесть русско-японской войны. Матросы возвращались в казармы определенно настроенные, пропитавшись сугубой враждой к высшему начальству. Окрепнуть настроению помогало и усилившееся распространение прокламаций. Севастопольское морское начальство, с приснопамятным Чухниным во главе, учло это и решило, видимо, по возможности изолировать команду от города. И вот однажды (это было в ноябре 1904 г.), когда матросы собрались итти в город, ворота флотского экипажа оказались наглухо запертыми. Тотчас же поднялся ропот, раздались протесты. Грозный окрик случившегося здесь штурмана подлил масла в огонь: взбудораженная толпа ответила в свою очередь криками, в спину офицера полетел камень, а через минуту — целая буря: камни летят в окна казарм, офицерских квартир, некоторые из квартир предаются разгрому. Следует, конечно, отмщение: из бушевавшей толпы матросов выхватывают на выбор 8 человек („зачинщиков“), судят и отправляют на каторгу, сроком от 8 до 12 лет; остальных рассылают на разные броненосцы. Этот эпизод, являющийся как бы грозным предупреждением зарвавшемуся начальству, ничему его не научил, а побудил только власть иму-

щих повернуть еще на несколько оборотов винт репрессий. Но этим достигалось лишь то, что озлобление уходило внутрь, росло, накипало и искало исхода.

Любопытной картиной севастопольского военно-морского „быта“ служили столкновения гуляющих группами матросов с офицерами на Корабельной стороне (в просторечьи „Карабушка“), отрезанной от центра города (Севастополя) заливом. Чувствуя себя в „Карабушке“ вдали от бдительного ока начальства, матросы сходились здесь в большом числе, держались свободно и, при редких встречах с офицерами, резко осаживали придиравшихся к мелочам, вроде „небрежного отдания чести“, недочетов в форме и т. д. На окрик таких господ матросы, гулявшие группами, отвечали вызовом: „Идите в Порт-Артур! Там вот отличайтесь!“... Случалось, что чересчур рьяных „службистов“—офицеров спускали с обрыва вниз... Жаловаться потерпевший крушение офицер не решался, вероятно, потому, что бесповоротно испортил бы этим свою карьеру. Если матросам воспрещалось показываться на „чистой половине“ Севастополя, то господа офицеры боялись появляться на Корабельной стороне. Уже эти „бытовые“ картинки служили хорошим показателем того, до какой степени была накалена атмосфера взаимной ненависти между командующими и подчиненными. Это были два враждебные лагеря, и столкновение стало неизбежным.

Особенно горяча была почва на „Потемкине-Таврическом“, где полицейско-казарменный режим стараниями командира броненосца был доведен до высшего предела. Потому-то именно на этом броненосце вспыхнуло преждевременное восстание, хотя состав его команды не особенно благоприятствовал революционному выступлению: почти половина матросов „Потемкина“ состояла из новобранцев последнего года, оглушенных жестокой муштровкой и еще не захваченных пропагандой и не проникнутых, как старые матросы, горячей ненавистью к офицерству. В остальной части команды был тоже значительный процент новобранцев последних годов, и лишь небольшая сравнительно группа матросов,—„старых матросов“,—испытавших на себе всю тяготу службы на военном броненосце, являлась решительным революционным авангардом команды (он и дал впоследствии членов Судовой Комиссии восставшего броненосца). Мы видим, следовательно, что „Кн. Потемкин-Таврический“ отнюдь не был самым революционным броненосцем Черноморского флота.

Какую жуткую атмосферу вражды, страха и ненависти создало усиление репрессий и издевательств на этом бро-

На палубе «Потемкина».

неносце, почему этот броненосец не дождался сигнала к общему восстанию,—об этом расскажут нам две красочные фигуры высших начальников „Потемкина“—командира Голикова, известного у матросов под названием „чорта“, и старшего офицера Гиляровского (оба были убиты во время восстания).

Последний изводил матросов жесточайшей муштровкой и мелочными придирками. По воскресеньям, когда команда отпускалась с корабля на берег, Гиляровский делал обычный смотр команды, выстроенной во фронт. Единое пятнышко на одежде, ничтожная неисправность в форме,—и тотчас же следует „мордобитие“. На „смотр“ Гиляровский иногда выходил с толстым красно-синим карандашом в руках, и редкого матроса не ударит в виде внушения карандашом по носу. Как известно, во фронте „нижние чины“ должны были „не дышать“ и стоять неподвижно, что бы с ними ни проделывалось...

Командир „Потемкина“, капитан 1 ранга Голиков, был грозой матросов. До какой степени он терроризовал их, видно из следующего. Матросы через особых дежурных устроили слежку, как идет командир из своей квартиры в казармы—через парадный или через черный ход, и, в зависимости от этого, „дозорный“ предупреждал находящихся в казарме товарищей криком „туча идет с парадного“ или криком „туча—с черного“. В первом случае матросы, не желая попадаться на глаза командиру-держиморде, убегали во двор с черного хода, а если „туча шла с черного крыльца“, бежали в обратном направлении.

Можно ли удивляться после этого преждевременному взрыву, который произошел на „Потемкине“?

II. Работа с.-д. партии в Черноморском флоте.

Пользуясь печатными источниками и, частью, сведениями, почерпнутыми из бесед с современниками Потемкинского восстания, мы можем сказать, что агитация и пропаганда в Черноморском флоте, равно и снабжение моряков нелегальной литературой были поставлены широко, что на это было потрачено много сил, и наибольшую авторитетность и популярность среди матросов в конечном счете приобрела социал-демократическая партия. Впервые матросы вошли в общение с соц.-демократами при постройке броненосца на Николаевской верфи, где многие рабочие были членами партии. В непосредственное же сношение с социал-демократической организацией моряки-черноморцы

вошли в Севастополе. Еще в 1903 году проявилась энергичная революционно-пропагандистская деятельность среди матросов. Создавались нелегальные кружки, снабжались литературой, распространялись прокламации, шла пропаганда, устраивали первые массовки. Насколько энергично распространялись тогда партийные прокламации, показывает тот факт, что они в значительном числе были обнаружены однажды в морском госпитале, и встревоженное начальство произвело повальный обыск — перерывало тюфяки, распарывало подушки и кое-что находило.

В 1904 году, когда наверху решили „подтянуть" Черноморскую эскадру, и командующий флотом адмирал Скрыдлов, показавшийся царской опричнине недостаточно „энергичным", был заменен известным (по своей жестокости) Чухниным, последний не замедлил обрушиться на матросскую массу жесточайшими репрессиями. Но, как и следовало ожидать, они еще более ожесточили и сплотили матросов, законспирировали революционное движение и вогнали его вовнутрь, заставив матросов глубже вдуматься в „проклятые вопросы". Поднялся спрос на литературу, участились летучки и массовки, организуемые с.-д. партией за городом — близ Малахова кургана и по Инкерманской дороге. Прокламации сотнями направлялись во флотские казармы. В день Рождества они оказались „посеянными" в казармах на подушках и под одеялами. К началу 1905 года работа пропагандистов с.-д. среди флотских команд и портовых рабочих Севастополя развернулась в еще более широком масштабе и приняла организованный характер. В это время, по словам т. Жукова („Восстание на «Потемкине»"), в Севастополе существовало несколько соц.-дем. кружков, а также объединенный комитет, который руководил всей работой как в гражданских, так и в военных организациях. Городская соц.-демократическая организация была не так сильна за отсутствием в Севастополе заводов. Зато углублялась и расширялась родившаяся в эти дни военно-морская организация Р. С.-Д. Р. П.

Любопытно проследить, как параллельно с партийной работой росла революционность матросов и повышались их требования, отражающиеся в резолюциях матросских собраний. Вначале они касаются улучшения жизни матросов, а в конце мы видим уже требования обще-политического характера, как отмена титулов, обычный суд над матросами или военный, но с участием половины судей из матросов.

Интересный документ представляет собой резолюция одного матросского совещания, гласящая: „Мы, матросы Черноморского флота... присоединяем свой голос к голосу

русских рабочих, представленных их передовым отрядом— русской социал-демократической партией, и требуем отмены самодержавного режима и замены его демократической республикой". Резолюция эта, требующая, далее, прекращения войны (русско-японской), заканчивается призывом: „Да здравствует социализм!".

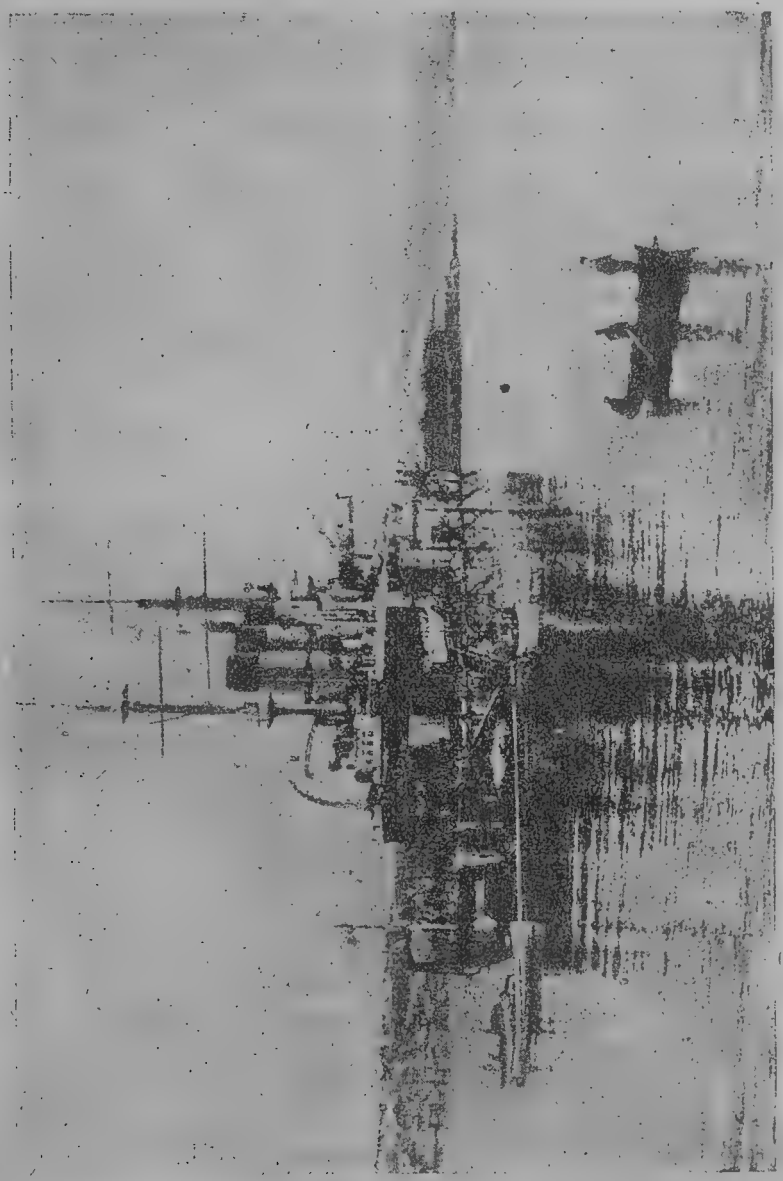
Энергичная социал-демократическая пропаганда во флоте вызывала самодеятельность и творческую работу партийных матросских кружков: в 1905 году увидел свет листок с требованием матросов, напечатанный в подпольной типографии комитета с.-д. партии, но составленный и подписанный матросами и учениками передового (по революционности) броненосца „Екатерина II". Это был большой шаг вперед. Но и за броней царских судов — „Синоп", „Чесма", „Екатерина II", как рассказывает потемкинец матрос Орлов (с.-д.), шло печатание прокламаций и воззваний, которые распространялись ночью среди спящих, находивших поутру у себя под подушкой „запрещенные листки". Социал-демократическая организация получала аккуратно заграничную литературу („Искру" и др. издания), которой также снабжались моряки. Почти не было провалов и арестов; объясняется это тем, что среди моряков провокация, в отличие от города, не свила еще гнезда. Задолго до восстания 14 июня была установлена прочная связь севастопольского комитета с.-д. партии со всеми кораблями, в том числе и с „Потемкиным", что позволяло снабжать все команды прокламациями и быть в то же время в курсе важнейших событий и настроения всего флота.

„Кн. Потемкин-Таврический", команда которого состояла из 760 матросов, 12 кондукторов и 20 мастеровых французского завода, по процентному составу сознательных и революционно настроенных матросов (20%) уступал место „Екатерине II-й" (37%). Как мы увидим из описания самого восстания, этот последний броненосец проявил себя в те дни настолько революционно, что высшее морское начальство не решалось взять его в эскадру, тронувшуюся из Севастополя в поход для пленения мятежного „Потемкина". Но и на „Потемкине" партийная пропаганда настолько давала себя знать, что командир Голиков, насадивший на броненосце шпионов, руководясь, очевидно, их донесениями, так аттестовал жандармскому полковнику команду броненосца: „У нас на судне все заражено революционной пропагандой, все, включая и унтер-офицеров" [1]).

---

[1]) Кирилл. „11 дней на «Потемкине»". СПБ. 1907 год.

Своими издевательствами над матросами Голиков с его присными довел команду „Потемкина“ до белого каления, и наиболее решительная часть ее с нетерпением ждала того дня, когда возможно будет посчитаться с ненавистным начальством. Два матроса—уполномоченных с „Потемкина“,



Броненосец „Потемкин - Таврический“.

просят письмом севастопольский комитет Р. С.-Д. Р. П. дать сигнал к общему восстанию в первые же дни ожидаемых маневров. Комитет совещается с Ц. К. матросского совета и решает — восстание отложить до конца маневров, время же пребывания „Потемкина“ в Тендровском заливе реко-

мендует использовать для усиленной пропаганды. И окончательно решено — точно назначить день общего восстания на собрании матросов у о-ва Тендра в лесу, но непременно ждать присоединения эскадры к „Потемкину“. — Как мы знаем, команда „Потемкина“ уже не имела силы дожидаться.

III. Вооруженное восстание.

Как разразилось восстание на „Потемкине-Таврическом“?

Пользуясь описанием восстания его участниками и, главным образом, письмом в „Искру“ застрельщика восстания—минно-машинного квартирмейстера Аф. Матюшенко, мы даем здесь картину событий 14 июня 1905 года на „Потемкине“.

Эскадра в июне месяце ждала отправки из Севастополя в учебную кампанию. 13 июня эскадренный броненосец „Кн. Потемкин-Таврический“, только что оборудованный, был отправлен к о-ву Тендра для предварительной пристрелки (по щитам) орудий; и эта оторванность „Потемкина“ послужила косвенной причиной нарушения намеченного плана восстания.

В день прибытия „Потемкина“ в Тендровский залив, 13 июня, сопровождавший его миноносец № 267 был отправлен в Одессу за провизией и вечером того же дня возвратился с запасами провизии, которая была перегружена на броненосец. Купленное мясо для борща было подвешено на спардеке [1]) на крючках. Рано утром 14 июня, во время обычной утренней уборки корабля кто-то из матросов заметил в мясе червей. Открытие это скоро сделалось известным всей команде, возле мяса стали собираться группы матросов, послышался ропот, раздались угрозы:

— Офицеры — подлецы, не хотят обращать внимания на пищу команды!

— Надо позвать доктора — пусть выбросит это мясо за борт.

Узнав о волнении команды, командир „Потемкина“ Голиков отправил старшего врача броненосца „титулярного советника“ Смирнова освидетельствовать мясо. Последний явился, подошел к мясу, по словам Матюшенко, „одел очки, чтобы лучше было видно червей, покрутил его перед носом,

---

[1]) Спардек—надстройка над верхней палубой.

понюхал“ и заявил, что мясо очень хорошее, — команда избалована и потому есть не хочет: надо только... червей смыть водой и мясо будет отличное“ [1]). После такого заключения старшего врача командир Голиков распорядился поставить у мяса дневального, снабдил его карандашом и бумагой и приказал записывать всех, кто будет подходить рассматривать мясо, а потом доложить командиру.

„Команда, — говорит Матюшенко, — хорошо зная нрав и взгляды командира, боялась подходить к мясу“. Командир приказал готовить обед, но волнение среди матросов не утихало.

— Как теперь служить, как воевать, когда в Японии пленным живется лучше, чем нам! — слышалось в команде.

В обычный час подается сигнал (свистит дудка)—„к вину и обедать“, но последний приказ остался без исполнения: каждый из команды, взяв кружку с водой и кусок хлеба, мочил хлеб в воде и этим заменял обед, а баки с борщем, расставленные в камбузе [2]), остались нетронутыми. Об этом было доложено начальству, вскоре в камбуз является старший офицер Гиляровский и за ним командир Голиков — наводить порядок. На вопрос старшего офицера, почему команда не обедает, кок (повар) отвечает, что команда „не хочет кушать борща“, а просит сварить чая и дать масла. Подоспевший в это время командир, узнав от Гиляровского в чем дело, обращается к команде с вопросом, — почему не едят борща? И слышит из толпы матросов: „Кушай сам, а мы будем кушать хлеб и воду“. Тогда начальство приступает к усмирению. По приказанию командира Голикова на верх была вызвана и стала во фронт вся команда, к которой Голиков обратился с такой речью: „Я неоднократно говорил, что такие беспорядки на военном корабле недопустимы, за это вашего брата вешают вон там! — при этом командир указывает на нок [3]). — Ребята, кто хочет кушать борщ, выходи сюда!..“

На этот призыв отозвались лишь „службисты“ — боцманы и некоторые унтер-офицеры. Матросская масса оставалась неподвижной. Тогда раздается новая команда Голикова: „Караул наверх!“, и через минуту вооруженный винтовками караул выстраивается против стоящей во фронте команды. В следующую минуту, команда, ожидающая ареста, а, может быть, расстрела, беспорядочной толпой

---

[1]) Отметим, что, по обвинительному акту, мясо нуждалось в промывке для удаления лишь „замеченных местами личинок домашней мухи, в жаркое время года вообще легко появляющихся и т. д.“.

[2]) Камбуз — судовая кухня.

[3]) Нок — одна из поперечных балок на верху мачты.

перебегает к башне. Видя это, старший офицер Гиляровский, желая иметь „виновных“, кричит: — „Довольно!“ и вместе с вахтенным офицером преграждает путь матросам, не успевшим соединиться с товарищами (30 человек) и приказывает караулу оцепить их.

„Команда,—вспоминает участник восстания,—стояла бледная и страшно напряженная, видя своих товарищей, оцепленных караулом“. Среди „страшной тишины“ раздался крик старшего офицера: „Боцман, давай брезент!“.

Приказ, отданный боцману, поясняет Матюшенко, означал, что „этих товарищей накроют брезентом и дадут по ним, совершенно беспомощным, несколько залпов“. Этот гнусный приказ бесповоротно решил дело. Вперед вышел Матюшенко и обратился к караулу и команде со словами: „Братцы, помните нашу клятву — в своих не стрелять!“ И дула винтовок караула опустились вниз, к палубе — это означало отказ расстреливать товарищей. В следующую минуту раздался крик: „Братцы, что они делают с нашими товарищами! Забирай винтовки и патроны, бей их, хамов!“ Это кричал тот же Матюшенко, и его призыв послужил сигналом к восстанию: команда точно ждала его, все бросились в батарейную палубу, разобрали винтовки, зарядили их и устремились к окруженным караулом товарищам. (Отметим, что подлый приказ насчет брезента, подливший масла в огонь, в обвинительном акте совершенно отсутствует.)

Матросов с заряженными винтовками, бросившихся освобождать арестованных, встретили ругательства командира и старшего офицера, но в ответ на это на „Потемкине“ гремело „ура“, неслись возгласы:—„Да здравствует свобода! Долой войну! Долой самодержавие!..“

Командир Голиков набрасывается на Матюшенко с приказом: „Поставь ружье“, но слышит в ответ: „Я брошу тогда ружье, когда буду не живым существом, а трупом. Уходи с корабля—это корабль народа, а не твой!..“

Командир убегает. Восстание разгорается, гремят одиночные выстрелы, раздаются залпы.

Как могуч, неотразим был стихийный взрыв, можно заключить из того, что стреляли даже матросы-штундисты, до этого дня в частых дискуссиях с командиром „Потемкина“ упорно отрицавшие допустимость „убийства братьев“.

Под выстрелами восставших падает старший артиллерист Неупокоев, бывший в компании с командиром-усмирителем, затем старший офицер Гиляровский. Последнего Матюшенко находит с винтовкой в руках в башне у трупа убитого им матроса Вакулинчука, бывшего в числе пред-

назначенных к расстрелу. Гиляровский стреляет в Матюшенко, но дает промах, спасается бегством, но пуля Матюшенко настигает его [1]). Трупы убитых офицеров бросают за борт.

Даем слово Матюшенке: „В этот момент представилась ужасная и вместе с тем торжественная картина: 800 чел. кричат: «Смерть тиранам! Да здравствует свобода!..» Залпы трещат по уплывающим офицерам, которые плыли, спасаясь, на миноносец № 267".

К матросам выходит минный офицер лейтенант Тон. Команда, увидев офицера, видимо, достаточно насолившего ей, кричит: „За борт его!" Но Тон, подойдя к Матюшенко, говорит ему: „Я хочу с тобой поговорить". Матюшенко просит команду отойти и сам отходит с Тоном к башне, а тот в это время выхватывает револьвер и стреляет в доверившегося ему матроса. Пуля Тона ранит руку близ стоящего матроса... В следующую минуту офицер падает под залпом матросов.

Наступает очередь и командира. Он прячется сначала в адмиральском помещении, но, видя безнадежность положения, выходит на палубу и приносит запоздавшее покаяние. Видя, очевидно, в Матюшенке вождя восстания, командир „Потемкина" бросается к нему, обхватывает его колени и молит:

— Великий грешник я перед командой—прости, братец!

— Я лично против тебя ничего не имею,—как команда...

— На нок его, подлеца,—кричит команда,—он нас ноком пугал!

— Довольно возиться, слышны голоса—пулю в лоб!

Тирана-командира уводят дальше, раздается залп, и труп Голикова летит за борт. Он был последним.

Между тем, доплывшие до миноносца № 267 офицеры спешили бежать,—они уже снялись с якоря, чтобы плыть в Севастополь. Но направленные в миноносец выстрелы из 47- и 75-миллиметровых орудий остановили его, и по приказу с „Потемкина" миноносец № 267 подошел к борту восставшего броненосца. С миноносца сняли командира и еще двух офицеров, но требование части команды отправить их за борт не встретило сочувствия у большинства.

— За борт их всех!—кричали возмущенные попыткой бегства на миноносце матросы. Но послышались другие голоса: „Довольно крови! Теперь корабль в наших руках,

---

[1]) С. Игнат в статье „Матросские восстания в революции 1905—6 г." говорит, что Матюшенко хотел убить Гиляровского, но его убили другие. См. „Моряки революции 1905—6 г.г.", изд. Молодой Гвардии 1925 г., стр. 14. *Ред.*

эти твари нам не опасны; давайте воды скатить [1]) палубу". И команда послушалась. Ограничились арестом снятых с миноносца офицеров в кают-компании; вскоре затем к ним присоединили еще нескольких „чинов", в перепуге попрятавшихся в момент восстания куда попало. Младшего доктора Галенко нашли под цистерной, полковника, прибывшего из Петербурга для артиллерийских испытаний, отыскали забившимся в гардеробный ящик, откуда его „насилу вытащили". Двое офицеров, в панике выбросившиеся в море и плывшие к миноносцу, были убиты выстрелами с броненосца. Той же участи, к сожалению, подверглось несколько матросов, также бросившихся, не разобрав в чем дело, в воду—их с броненосца приняли за офицеров. Опасавшихся за свою жизнь инж.-механика Коваленко и инж. Харкевича, во время восстания также бросившихся в море и спасавшихся на щите для стрельбы, команда позвала обратно на броненосец, гарантируя их неприкосновенность, и они вернулись на посланной с „Потемкина" лодке. Инженер механик Коваленко, которого машинная команда просила не трогать („он хороший человек"), впоследствии присоединился к восставшим и играл видную роль в Судовой Комиссии [2]). Пока же вместе с другими он был подвергнут аресту. Всего арестовано было 12 человек — судьба их должна была решиться впоследствии. Но арестованным не было оснований опасаться за свою жизнь: поднявшие восстание матросы, так много выстрадавшие, вовсе не жаждали крови и прислушивались к голосу наиболее сознательных товарищей, одухотворенные иной, более высокой целью.

Попутно отметим, что число убитых начальствующих лиц на „Потемкине" было невелико — всего 7 человек, при чем некоторые из них, как командир броненосца Голиков и старший офицер Гиляровский, особенно тиранившие команду своим вызывающим поведением в момент восстания, сами подписали свой смертный приговор.

Обвинительный акт, не в меру усердно расписывая „зверства" матросов „Потемкина", упоминает в числе „жертв восстания" и д-ра Смирнова (героя червивого мяса), якобы... живым выброшенного за борт. В действительности, Смирнов, во время восстания смертельно раненный (по одной версии — застрелившийся), принес предсмертное покаяние („Братцы, умирая, говорю, что я хорошо все видел, но не

---

[1]) Обмыть.

[2]) Ему принадлежат помещенные в „Былом" за 1907 г. „Воспоминания о восстании на «Потемкине»".

имел права говорить“) и вскоре умер. Труп же его, вместе с прочими, конечно, был выброшен в море.

После того, как офицеры и не внушающие доверия кондукторы были взяты под арест и матросы остались полновластными хозяевами могучего броненосца, машинная

Труп Вакулинчука на набережной в Одессе.

команда пошла разводить пары и готовиться к походу, а строевая команда снаряжала корабль по-боевому, ожидая встречи с оставшейся в Севастополе эскадрой.

Над „Потемкиным-Таврическим“ взвился победный красный флаг. — Он направился в Одессу.

IV. „Потемкин“ в Одессе.

Первый рейс революционного броненосца был на Одессу. Неизвестно, была ли вся команда „Потемкина“ осведомлена о происходящих в то время в Одессе событиях, но мы знаем, что в намеченный севастопольским партийным (с.-д.) комитетом план общего восстания входило оказание поддержки революцинной эскадрой бастующим одесским рабочим и овладение совместно с ними г. Одессой. И все дальнейшие события подтверждают, что выбор Одессы являлся не случайным и был связан с происходящей там уже более месяца забастовкой. Это подтверждают, между прочим, и следующие строки из статьи о восстании „Потемкина“ в № 8-м заграничнаго журн. „Соц.-Демократ“. „Товарищи матросы из организации Крымского союза (соц.-дем. партии)... хотели ждать наиболее благоприятной минуты, чтобы брать корабли и итти соединяться с пролетариатом: они хотели ждать, когда матросская организация станет еще сильней и сможет бить наверняка. Но волнующаяся матросская масса не ждала и, при первой вести об одесских баррикадах, дала выход своему возмущению... И честь и слава нашим товарищам соц.-демократам, бывшим на «Потемкине», что они не растерялись, а, став во главе поднявшегося экипажа, повели броненосец под красным флагом на помощь одесскому пролетариату.“

Первым шагом завоевавших свободу матросов на пути организации было избрание своего командного состава. Из числа выбранных командой следует отметить боцмана Филиппа Мурзака, занявшаго пост старшего офицера революционного „Потемкина“. Член соц.-дем. партии, твердый революционер и энергичный администратор, Ф. Мурзак все время восстания был на передовых постах, в решительные минуты грудью отстаивал интересы плавучей республики [1]).

Командиром „Потемкина“ был избран мичман Алексеев, и выбор этот никак нельзя назвать удачным. Мы увидим

---

[1]) Считаем не лишним привести здесь данные о судьбе Филиппа Мурзака. Эмигрировавший вместе с другими потемкинцами после ликвидации восстания за границу, Ф. Мурзак вновь появляется в России в 17-м году, пробирается в Крым и в январе 1918 года командует отрядом моряков, бросившимся через Ай-Петри на помощь ялтинским большевикам. Вслед затем Мурзак был назначен комендантом Симферополя и оставался на этом посту до прихода немцев.

Арестованный последними, Филипп Мурзак сидел около года в Симферопольской тюрьме, а в апреле 1919-го года был расстрелян деникинцами на станции „Семь Колодезей“. Сведения эти сообщены автору т. В. А. Елагиным, заведывавшим в конце 1923 г. Крымским Истпартом.

впоследствии, что юный мичман, один из немногих интеллигентов, оставшихся на красном броненосце, душой был весьма далек от революции. Да и присоединение его к восстанию было случайным и даже, по словам одного из потемкинцев, „до некоторой степени вынужденным“. Арестованный в момент восстания вместе с другими офицерами, Алексеев обратился в перепуге к матросам с просьбой: „Братцы, не бейте меня, я ведь такой же матрос, как и вы“. И в ответ услышал: „Тебя никто не убьет, если ты приведешь нас в Одессу“. Этот разговор решил судьбу Алексеева,—он согласился занять пост командира. Этот выбор команды „Потемкина“ был большой ошибкой, так как Алексеев после прихода в Одессу все время оставался не у дел и своим угнетенным видом действовал на команду отрицательно.

Были избраны „вольной командой“ из своей среды и другие должностные лица: старший офицер, помощник командира, артиллерийский офицер, вахтенные начальники. В первый же день, во время перехода в Одессу, была выбрана и постоянная Судовая Комиссия (более 20 товарищей), для управления всеми делами революционного броненосца и для установления нового внутреннего распорядка на нем. Судовая Комиссия, в сущности, могла бы быть полновластным органом управления, и для революционного времени это было бы, вероятно, лучше, — но это имело место лишь в первые дни, а затем, стремясь к осуществлению идей народовластия, Комиссия все наиболеее крупные вопросы передавала на разрешение всей команды, и они окончательно решались общим голосованием. Заседания Судовой Комиссии, представлявшей как бы исполком матросского коллектива, были гласными: на них присутствовало обыкновенно 100—200 человек.

Восстание у Тендры разразилось утром 14 июня, а к вечеру того же дня „Потемкин“, сопровождаемый миноносцем № 267, прибыл в Одессу. Весть о прибытии „Потемкина“ под красным флагом с быстротой молнии облетела Одессу. И впечатление этой вести было громадное. „С прибытием броненосца,—вспоминает очевидец,—город пустеет. Не видно кучек рабочих, не видно толп мальчишек. Все это бежит, в буквальном смысле этого слова, к гавани“.

Пестрой городской массой „Потемкин“ был встречен с любопытством и приветом. Борющимся же пролетариатом — с ликованием и надеждой на могучую поддержку.

С раннего утра 15 июня от берега к броненосцу, осененному красным стягом, направлялись шлюпки, катера, яхты, переполненные самой разнообразной публикой. Тут

были старики и подростки, гимназисты, студенты... Чем могли, выражали одесситы потемкинцам свои симпатии—из многих шлюпок им передавались всякого рода продукты, фрукты, даже конфекты. Подплывали к красному „Потемкину“ и рабочие; и характерно, что они, истомленные полуторамесячной забастовкой, сами голодающие, спешили оказать продовольственную помощь:—привозили полные лодки хлеба, муки и пр.

Привозили с берега и водку, но ни одной бутылки алкоголя не было принято командой. Всем, привозившим водку, говорили: „Не водку надо теперь пить, а свободу завоевывать“. Горячие приветственные клики неслись отовсюду к „Потемкину“: „Да здравствует свободный «Потемкин»! Да здравствуют свободные моряки! Да здравствует народное правление!“

Могучее „ура“ гремело с бортов „Потемкина“ в ответ.

В первый момент делались попытки визитов со стороны начальствующих Одессы, кончавшиеся весьма плачевно. Сначала к броненосцу направился военный катер — ехал капитан Одесскаго порта,—но скоро повернул назад: караул на палубе „Потемкина“ взял на изготовку. Еще менее посчастливилось другому катеру, на котором среди штатских заметны были фигуры двух жандармов. Катер, подойдя на расстояние человеческаго голоса, остановился, и жандармы в это время стали в каком-то смятении прятаться за спины штатских властей. „Жандармы!—раздался с „Потемкина“ грозный голос,—оружие в воду!“ Жандармы поспешно отстегнули шашки и побросали их в воду. „Револьверы туда же“, послышался снова тот же голос, уже с заметным оттенком насмешки, но по-прежнему настойчивый.

Под дружный хохот на палубе жандармы дрожащими руками отстегивают револьверы и бросают их вслед за шашками.

„А теперь,—доносится все тот же насмешливый голос с броненосца,—кругом марш!“ Катер дал ход, круто повернул к берегу и стал быстро удаляться, провожаемый гиканьем и свистом довольных спектаклем матросов.

Ни один из „власть имущих“ не переступил борт „Потемкина“ под красным флагом. Зато с горячим товарищеским приветом были приняты и приглашены тотчас же в Судовую Комиссию, представители Одесской социал-демократической организации; вначале их было человек пять—шесть, впоследствии осталось на броненосце двое: Кирилл и К. Фельдман.

Заслуживает внимания постановление на первом собрании Судовой Комиссии с участием Кирилла в адмираль-

ской каюте с призывом к с.-д. партии руководить восстанием. Собрание постановило: „....дать знать обо всем случившемся Одесской социал.-демократической рабочей организации и попросить содействия, а также попросить о том, чтобы она немедленно известила через Севастопольский комитет Р. С.-Д. Р. П. все остальные суда Черноморскаго флота о начале восстания, предпринятого уже «Потемкиным»". На собрании обсуждался план действий в ближайшее время, при чем решено было, прежде всего, запастись съестными припасами, углем и пресной водой для котлов броненосца, разузнать намерения оставшейся в Севастополе эскадры.

По словам Кирилла („11 дней на «Потемкине»"), на первом же совещании был намечен план взятия Одессы: или высадить десант или вооружить рабочих из запасов „Потемкина" и овладеть городом, пока там нет артиллерии и большого числа войск. Впоследствии высадка десанта командой „Потемкина" была отвергнута.

Присоединится ли эскадра к „Потемкину", предупредившему события? Это было вопросом жизни и смерти для восставшего броненосца. До выяснения его постановили к решительным революционным действиям не приступать; а между тем, забастовка одесских рабочих, к приходу „Потемкина", достигла высшаго предела, бастовала вся Одесса, и всякое промедление означало неудачу.

Вопрос о роли „Потемкина" в борьбе городского пролетариата с капиталом и его слугами, видимо, не был поставлен на очередь в первом собрании Судовой Комиссии, но скоро он встал во весь рост перед командой революционного броненосца. Напомнили сами рабочие. Еще задолго до полудня к „Потемкину" направился из гавани пароход-угольщик, вся палуба котораго была усеяна рабочими — они везли уголь для броненосца. Еще издали приветствовали одесские рабочие матросов „Потемкина", размахивая фуражками. Но вот пароход-угольщик приблизился к броненосцу, команда и рабочие стали ясно различать друг друга, и воздух огласился радостной перекличкой.

— Да здравствует „Потемкин"! — неслось с парохода.

— Да здравствует свобода! — гремели на броненосце.

— Да здравствуют восставшие моряки!

— Да здравствует рабочий народ!..

И приветствия тонули в могучем „ура".

Рабочие привезли „Потемкину" около 10 т. пуд. угля, закупленного командой броненосца у пароходовладельца. Они энергично помогали погрузке угля. Завязалась оживленная беседа между рабочими и матросами, и первые поведали потемкинцам о своей борьбе — забастовке. Из рас-

сказов рабочих выяснилось, что забастовка, охватившая постепенно почти все фабрики и заводы Одессы, со вчерашнего дня превратилась во всеобщую. Рабочие, изнуренные $1^1/_2$-месячной забастовкой с ее неизменными спутниками — голодовкой, арестами, избиениями и расстрелами и чувствующие непосильность борьбы, перенесенной на улицу (строились баррикады), переживали тяжелые минуты. „Потемкин“ с его грозными орудиями появился в самый критический момент, и понятно, с каким чувством встретили его бастующие. В дружной товарищеской беседе с матросами-потемкинцами рабочие, прибывшие на угольщике, черпали силы для новой борьбы. „Никогда еще, — вспоминает один из участников восстания, — не приходилось мне видеть такого воодушевления, такого необыкновенного подъема духа“. С „Потемкиным“ были связаны надежды бастующих: от восставшего броненосца ждали активного проявления солидарности с восставшим пролетариатом.

Перед партийной организацией встала громадная задача: объединение восстания на море и суше.

V. Одесская забастовка и „Потемкин“.

Рабочая забастовка в Одессе, вспыхнувшая в мае, шла при участии местных партийных организаций — с.-р-ов, с.-д-ов, Бунда. Но к моменту перехода забастовки во всеобщую, совпавшему с появлением „Потемкина“, эс-эровская организация почти бездействовала. Активное участие в рабочем движении Одессы в этот момент принадлежало соц.-демократам (расколовшимся на большевиков и меньшевиков) и Бунду; представители этих трех организаций образовали соединенную комиссию для решения практических вопросов текущих событий.

Соц.-демократы работали в Одессе энергично, стараясь захватить широкие круги пролетариата и перенести центр тяжести пропаганды от узко-экономических вопросов в область широкой политики. После первых майских стачек рабочих влияние с.-д-ов возросло и усиливалось вместе с ростом забастовочнаго движения.

„В партии составилось убеждение,—говорит нам один из современников рабочего движения Одессы,—что социал-демократы были всегда авангардом движения и в случае переворота, на который возникала надежда, они должны были бы «стать у кормила власти». Таковы были перспективы; но высоко поднявшаяся волна всеобщей забастовки и одновременно восстание на «Потемкине», появившемся

у берегов Одессы, застали соц.-дем. организацию врасплох, ослабленную расколом внутри и неподготовленную к тому, чтобы овладеть массовым революционным движением на суше и на море и нанести решительный удар противнику. Яркую страничку социал-демократической работы перед всеобщей забастовкой представляет собой распропагандирование каменоломщиков, работавших в окрестностях Одессы, на берегу Хаджибейского лимана".

Работа здесь велась уже года 4 революционными организациями с.-р-ов, с.-д-ов, но наибольший успех имели соц.-демократы.

Общим недостатком работы среди каменоломщиков было, однако, то, что здесь, как и в городе, партийные организации, обращая главное внимание на пропаганду, мало заботились о пробуждении духа активности, о выработке в кружках рабочих какой-либо самодеятельности. Этот недочет, эта однобокость работы больно сказались затем в решительные „потемкинские" дни в Одессе. Надо, однако, отдать справедливость соц.-дем. организации: при остром недостатке работников, она делала все, что могла, чтобы поднять каменоломни. Одному партийцу, взявшему на себя пропаганду среди каменоломщиков, приходилось делать 30—40 верст в сутки; в то же время надо было поспевать в окрестные деревни, захваченные в это время (июнь 1905 г.) волнениями. Несмотря на это, в короткий срок все каменоломни вблизи Одессы были организованы, на каждой сформирован „ответственный кружок", выборные же от кружков сорганизовывались в „Центральный рабочий комитет" Хаджибейского района, который должен был установить связь с деревней и Одесской группой соц.-демократов.

На общей сходке рабочих-каменоломщиков был принят широкий план восстания: поднять ближайшие деревни, затронутые аграрным движением, порвать связь Одессы с центром (порвав телеграф, телефон и попортив жел.-дор. пути) и двинуться на помощь рабочей Одессе. Но для осуществления этого широкого плана восстания не хватало, прежде всего, оружия: оказалось всего 6—7 револьверов, притом без патронов. Это, однако, не остановило выступления решительно настроенных каменоломщиков. Воспоминания Кирилла рисуют нам яркую картину небывалого ночного шествия каменоломщиков в Одессу под знаменем Р. С.-Д. Р. П. с надписями: „Хлеба, земли и свободы", „Смерть тиранам — слава павшим в бою!"

Неудача ждала отряд в попутных деревнях: крестьяне в большинстве отказались примкнуть к движению. Рассчи-

тывавшие на иной прием каменоломщики возвратились обратно. А вслед затем наступила реакция.

Между тем на рейде Одессы уже стоял красный броненосец. Забастовочное движение к этому времени возросло до максимума и переходило во всеобщую забастовку. Толчком для последней послужило кровавое столкновение рабочих с полицией и казаками во время уличной демонстрации. Уже накануне прихода „Потемкина“ в нескольких местах появились баррикады, а к вечеру 13 июня уже насчитывалось несколько человек убитых и десятки раненых.

Показания всех очевидцев отмечают необычайный героизм детей пролетариата в эти дни. Они подавали пример взрослым, многие из них при постройке баррикад были убиты и ранены. „Пролетарий“ (№ 9—1905 г.) приводит речь одного из подростков, 13-летнего мальчика, отвечавшего на заданный самому себе вопрос, хорошо ли, что выступили дети: „Разве мы, дети пролетариев, не переносим ту же нищету, что и наши отцы и матери? Разве нас не ждет впереди голодная жизнь? Разве нас не выбросят на улицу, когда выжмут из нас все соки? Нас, детей, еще больше угнетают, потому что мы беззащитны... И когда наши отцы выходят на улицу и умирают, мы тоже должны бороться, не будем жалеть жизни и добудем политическую свободу, которая освободит нас от бесправия“. Взрослые рабочие и женщины целовали мальчика со слезами на глазах.

Забастовка имела все шансы перейти в восстание, рабочая масса почти поголовно пришла в движение, требовала оружия, но его-то и не было. В результате получилось, по словам Фельдмана, то, что „масса бежала, бежала перед таким отрядом, который она могла бы разогнать голыми руками“.

В ночь на 15 июня бросил якорь на внешнем рейде Одессы „Потемкин“, а на завтра всеобщая забастовка, к которой накануне призывали прокламации, стала совершившимся фактом. Забастовала вся рабочая Одесса.

Казалось бы, с появлением такой могучей поддержки, как „Потемкин“ с его 70 орудиями и экипажем более 700 человек, были все шансы на успех восстания, которое, объединив вооруженные силы на суше и на море, смело бы царскую опричнину в Одессе. Шансы на победу становились тем более вероятными, что, по сведениям соц.-дем. организации, часть солдат, стоявших лагерями под Одессой, готова была присоединиться к восставшим. В письме одного из потемкинцев, помещенном в № 105 „Искры“, говорится о депутации из трех пехотных солдат, явившихся на борт

„Потемкина“ 15 июня: „Они приехали от имени организованной части товарищей своих полков заявить о своей готовности присоединиться к нам, раз только мы приступим к решительным действиям“. „Конечно, — добавляет автор письма, — вся наша команда приветствовала их с восторгом“.

В воспоминаниях другого участника восстания на „Потемкине“, Кирилла, приводится и речь одного из делегатов: „Мы вам, братцы, дадим поддержку на берегу. Не станем больше убивать ни крестьян, ни рабочих, не будем стрелять и в вас, если придете забирать город“ [1]). Тот же автор сообщает дальше о полной солидарности с потемкинцами и солдат морского батальона.

Все таким образом благоприятствовало решительным действиям, но их-то и не доставало как в забастовочном движении, так и на „Потемкине“. Соц.-дем. организация не дала никаких руководящих указаний рабочим для объединения разрозненных революционных вспышек, отсутствовали однообразные лозунги, которыми бы руководилась рабочая масса в своих выступлениях. Большим пробелом было отсутствие военного центра, а главная беда заключалась в разъединенности трех организаций, стоявших во главе движения: большевиков, меньшевиков и Бунда, затрачивавших много сил и времени на пререкания и споры.

С первых же дней забастовки в Одессе сильным тормазом для общего дела явились меньшевики со своей примирительной политикой и нерешительной тактикой. Вместо того, чтобы приложить старания к вооружению рабочих, когда „мирная стачка дошла до своего логического конца“, они лепетали о легализации движения через сочувствующих им обывателей. Образцом их соглашательских маневров может служить петиция гор. голове о легальности собраний. Политика меньшевистского крыла была тем губительнее, что рабочая масса в Одессе была сравнительно отсталой; здесь чувствовалось сильное влияние зубатовщины, насаждавшейся известным Шаевичем. В итоге много сил уходило на борьбу двух враждебных лагерей — большевистского, с призывом к вооруженному протесту, и меньшевистского, упершегося в соглашательство, — и это в самые решительные дни!

Одесский пролетариат был полон ожиданий, направленных к революционному броненосцу—он одержит победу! В воображении каждого — и не только рабочих — рисовалась грандиозная картина ареста властей, захвата всего южного побережья и т. д.

---

[1]) Кирилл. „11 дней на «Потемкине»“.

„Уже летят в воздух слова: „временное правительство“, „революция“. Говорят, что матросы высадятся и возьмут город, и действительно в среду утром (т.-е. 15 июня.) это было весьма возможно. В городе совершенно не было войск. В уезде идут крупные аграрные беспорядки, лагери отстоят на десятки верст, некоторые войсковые части находятся в состоянии сильного брожения, настроение толпы крайне возбужденное — все эти факты, вместе взятые, могли бы несомненно привести к захвату города, если бы высадить несколько сот хорошо вооруженных людей, поставивших себе ясную задачу — свергнуть самодержавие. Притом, действие орудий броненосца могло бы значительно ускорить революционную развязку“ [1]).

Несомненно, что в данный момент, пока еще правительственная власть, растерявшаяся в первое время, не мобилизовала своих сил, объединенные действия „Потемкина“ и городских рабочих нанесли бы ей решительный удар. Но направляющая его рука, в лице „соединенной комиссии“ партийных организаций, повисла в воздухе... Во всей полноте сказались здесь нерешительность, оторванность от революционных событий, которые развивались стихийно, с небывалой быстротой и не терпели ни минуты промедления. В заседании соединенной комиссии не был, например, поставлен кардинальный вопрос—считать ли приход „Потемкина“ подходящим моментом для захвата власти. И в зависимости от этого невыясненным остался и ряд других вопросов: как относиться к „Потемкину“, какова в дальнейшем роль соединенной комиссии, допустить ли бомбардировку Одессы?

Получалась недопустимая в решительную минуту неопределенность, как с горечью говорит в своих воспоминаниях о „потемкинских днях“ Н. Ростоцкая: „нелепое, глупое, ошибочное ожидание чего-то“. И она права, говоря далее, что большевикам и солидарному с ними Бунду следовало бы выйти из соединенной комиссии, образовать военный центр и действовать самостоятельно. Громадной ошибкой было еще то, что не были немедленно установлены правильные, прочные связи с „Потемкиным“ и что соц.-дем. организация ограничилась лишь делегированием на восставший броненосец своих представителей, потерявших связь с товарищами в Одессе. Правда, в первый же день стоянки „Потемкина“ в Одессе на броненосец была отправлена депутация от соц.-дем. организации. Эта делега-

---

[1]) „Революционный броненосец“, из сообщения Одесской группы Р. С.-Д. Р. П., изд. Р. С.-Д. Р. П., Харьков, 1917 г.

ция внесла предложение, чтобы часть матросов высадилась на берег с оружием и приняла участие в общих наступательных действиях совместно с рабочими; намечен был и план этих действий. Предполагалось соединиться с матросами в порту, куда еще ранним утром был перевезен с броненосца труп убитого Вакулинчука, двинуться с трупом, имея в авангарде вооруженных матросов, на Думскую площадь и устроить здесь торжественные похороны убитого, вслед затем итти в город, завладеть телефоном, телеграфом, разрушить ж.-д. пути с целью воспрепятствовать подвозу войск — словом, овладеть городом. Но команда „Потемкина“ на предложение высадить десант (рассчитывали на 500 матросов) ответила отказом, разрушившим весь намеченный план, а вскоре и самая связь с броненосцем была порвана. Мотивом к отказу в десанте команда выставила боязнь „измены“, угрожавшей со стороны контр-революционного элемента закоренелых службистов-кондукторов („шкур“, на матросском жаргоне), способных повлиять на менее сознательных матросов и увести броненосец в Севастополь. Но главным доводом матросов против высадки десанта было то, что они не могут оставить броненосец, так как ждут прибытия остальной эскадры; они надеются, что эскадра присоединится к ним, но не уверены в том и, пока это не стало совершившимся фактом, не могут без риска для существования самого „Потемкина“ высадить десант. С переходом 500 человек команды на берег, броненосец, по мнению матросов, потерял бы в большой степени свою боевую силу, высадка не только 500 человек, а даже 200 ослабила бы броненосец, тогда как с минуты на минуту можно было ожидать эскадру, с которой, может быть, придется вступить в бой. К этому они добавляли, что только на море они сила. И в итоге решение — ждать эскадру и, лишь выяснив ее отношение к восставшим, приступить к решительным действиям.

Пользовавшийся большим влиянием в команде Аф. Матюшенко формулировал отказ высадить десант в словах: „Нам нечего глядеть на берег, мы должны глядеть туда, в море“. И эта короткая фраза говорила многое: „Потемкин“ ждал могучего союзника (в лице эскадры) лишь с моря. Он, несомненно, живее откликнулся бы на призыв соц.-дем. организации, если бы видел проявление активности, планомерные действия со стороны рабочих. Но берег „молчал“ и тоже... ждал, не проявляя революционной энергии. И потемкинцы не решались вступить в бой с одесской сатрапией почти одинокими, в чуждой им обстановке — на суше.

Были составлены прокламации к казакам и армии. Вот одна из них:

„Матросы «Князя Потемкина» обращаются к вам, солдаты и казаки: складывайте свое оружие и давайте все завоюем свободу народу. Мирных же жителей гор. Одессы просим выехать подальше, так как в случае принятия против нас насильственных мер превратим Одессу в груду камней.

Организация матросов «Князя Потемкина».

В партийной организации, впервые столкнувшейся с массовым революционным движением, не нашлось в то время своего Ленина, — решительного, покоряющего своим авторитетом вождя, который воспользовался бы счастливым моментом и повел бы рабочих навстречу „Потемкину", к овладению властью.

„Если бы матросы услыхали,—пишет Фельдман в своих воспоминаниях, — что рабочие разрушают железные дороги, чтобы воспрепятствовать подвозу войск, что со всех местностей двигаются отряды рабочих и крестьян на помощь восставшим, что одесские рабочие, владея портом, не ушли оттуда... словом, если бы берег не ждал, а боролся, то и матросы, не ожидая эскадры, бросились бы на помощь восставшему народу" („Восстание на бр-це «Кн. Потемкин-Таврический»"). Но представители соц.-дем. организации, передавая ожидавшим их на берегу рабочим о положении дел, предложили им разойтись по домам и ждать решительных действий со стороны „Потемкина". Выжидательная политика броненосца не встретила отпора и критики со стороны партийной организации — решительно никто не выступил против нее, и самый важный момент для общего наступления, когда в Одессу не были еще подвезены войска, был упущен. Когда решение действовать было „вымучено" у соединенной комиссии, оказалось уже поздно: подошла эскадра. С появлением ее связь соц.-дем. организации с „Потемкиным", и до того слабая, совершенно порвалась:— броненосец то и дело уходил в море. И сноситься с „Потемкиным" оказалось невозможным: все лодки оказались под полицейской охраной. После в комитете с.-д. партии высказывались сожаления („сплошное хныканье", по выражению Ростоцкой) по поводу проявленной нерешительности, но вернуть прошлое было невозможно. Интересна реплика одного из членов комитета на замечание товарища — „вся суть теперь в броненосце": — „Эти слова не социал-демократичны. Главный успех в конечном счете не в одном военном судне, а в сильном широком движении на суше". Комитет Р.С.-Д.Р.П. не овладел этим движением, и в итоге как забастовка одесских рабочих, носившая зачатки восста-

ния (баррикады), так и „Потемкин“ с его грозными орудиями не были использованы так, как подсказывали события.

VI. У трупа Вакулинчука.

Прибывший вечером 14 июня в Одессу „Потемкин“ имел на своем борту труп матроса Вакулинчука, убитого в момент восстания старшим офицером Гиляровским. Команда революционного броненосца решила использовать эту смерть для демонстрации.

Рано утром 15 июня труп Вакулинчука был свезен на берег. И здесь в импровизированной палатке был положен труп убитого, охраняемый двумя матросами „Потемкина“. Труп Вакулинчука был прикрыт военным флагом, на груди же лежал лист бумаги с такой надписью:

„Господа одесситы! Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакулинчука, убитого старшим офицером эскадренного броненосца «Кн. Потемкин-Таврический» за то, что он заявил, что «борщ не годится».

„Осеним себя крестным знаменем и скажем «мир праху его». Отомстим кровожадным вампирам!

„Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода!

„Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

„Один за всех — все за одного“.

Какой наивностью, какими пережитками старины веет от этого воззвания! Но оно, это незатейливое воззвание, тут же, у трупа Вакулинчука, прочитываемое вслух, оставляло сильное впечатление. Громадная толпа окружала палатку („море людей“, по словам очевидца). Вот один из пришедших читает листок по просьбе неграмотных и сам не может преодолеть волнения. „В его голосе звучат рыдания, все без шапок, на многих ресницах видны слезы“. (Из сообщений Одесской группы Р.С.-Д.Р.П.) В течение всего дня у трупа Вакулинчука шла горячая агитация. Она не ограничивалась чтением воззвания команды: с импровизированных трибун произносились речи, насыщенные революционными лозунгами, призывающие к восстанию. После речей матросов, объяснявших толпе, что они выступили на защиту бедноты, без различия национальностей, неслись крики: „Да здравствует свобода, равенство и братство!“ „Долой царя!“ „Долой войну!“ Многие плакали, простирая руки к матросам-потемкинцам с мольбой: „Спасите нас от кровопийцы-царя!“

VII. Варфоломеевская ночь.

К вечеру первого дня в Одессе к „Потемкину“ подошло небольшое военное судно „Веха“, командир которого, поднявшийся на борт эскадренного броненосца для рапорта, был немедленно арестован. Вслед за командиром были арестованы и вызванные на броненосец офицеры „Вехи“. Ознакомив арестованных вкратце с происшедшим, им заявили, что созданные народным трудом суда и корабли, в том числе и „Веха“, должны служить народным интересам, а не против народа, а г.г. офицеры, „как наемное слепое орудие народного угнетения, совершенно излишни“ (ст. „Красный флот“ в № 105 „Искры“). Вскоре после этого обезоруженные, но снабженные „на дорогу“ деньгами, офицеры были свезены на берег. Остальная часть дня и вечер прошли в совещаниях и внутренней организационной работе.

В то время, как „Потемкин“ с его 70 орудиями в грозном молчании ожидал прибытия эскадры, темные силы Одессы — военщина и полиция, вначале растерявшиеся и встревоженные красным призраком революционного броненосца, видя бездействие последнего, начинают приободряться и спешат использовать временную передышку, чтобы подготовиться к новой бойне. Как и надо было ожидать, к вечеру в Одессу начали стягиваться войска; в некоторых пунктах размещают пушки, готовят пулеметы, по городу разъезжают казачьи патрули. Чувствовалось, что готовится что-то зловещее, кровавое. Но не к открытому бою с мужественным одесским пролетариатом готовилась одесская черная сотня высших рангов: она решила прибегнуть к излюбленному всероссийскими разбойниками методу — к провокации и погрому. Уже с наступлением темноты делаются попытки сфабриковать еврейский погром. Но проба оказывается неудачной: одного оратора сильно избивают, другого убивают выстрелами из толпы. Вся провокационная энергия направляется тогда в порт, туда, где высятся громадные склады. И здесь разыгрывается та „оргия безумия и ужаса“, какой, кажется, еще не было в царской России. В поздний час вечера толпа в порту состояла главным образом из босяков, любителей легкой наживы и равнодушных к политике обывателей; рабочих, утверждают все, там было сравнительно мало. Разгром, которому отнюдь не препятствовала полиция, начался с монополии и винных складов, но грандиозные размеры он принял после недвусмысленной речи какого-то никому неизвестного „господина“, обратившегося к разношерстной толпе с фор-

менным призывом к грабежу. — „Товарищи, — обращается он к толпе,—вы голы?“—„Голы, голы!“—кричит толпа.—„Вот,— продолжает „господин“, протягивая руку к складам, — лежат одежды, созданные вашим (босяков?) трудом и вам принадлежащие. Вы голодны, товарищи?“ — „Голодны, голодны!“— отвечает толпа, и провокатор (назовем его настоящим именем) снова указывает на склады. — „Грабьте!“ — без слов говорил красноречивый жест. — И толпа босяков, частью уже подвыпивших, не заставила себя ждать — хлынула на склады; начался безобразный погром, опять таки с винных складов. Набросились на водку и вино, разбивали вдребезги бочки, ящики с винами и напивались до бесчувствия. На смену им бежали другие. Немногие рабочие, бывшие в толпе, пытались остановить погром, скатывали бочки с вином в море, пробовали прервать грабежи силой, просили... но все было напрасно: разнуздалась дикая сила. Не отставала от босяков и профессиональных воришек и „чистая“ публика: она ринулась вслед за босяками в склады, жадно таскала шелка, бархат, запихивала драгоценности в карманы. Перед этой вакханалией грабежа и пьянства рабочим пришлось в бессильи отступить.

Еще ужасней развернулась картина, когда в порту вспыхнул пожар; горели склады с миллионными богатствами, вспыхнул рекой разлитый спирт, и обезумевшая, одурманенная вином толпа оказалась во власти огненной стихии. Потеряв от страха сознание, многие бросались прямо в пламя и сгорали заживо. „Многие девушки-работницы и интеллигентки, — говорит сообщение партийной группы, — плакали, ибо в безумии грабежа, в зареве разбушевавшегося пожара бледнели драгоценные плоды исторического дня... Горели миллионы, горели люди, шла дикая оргия“.

Но всего этого было мало для обер-погромщиков, решивших своим дьявольски-рассчитанным ходом отвлечь внимание масс от забастовки, разбить ее. Они ни жалели никого и ничего, в том числе и спровоцированных ими босяков и грабивших вместе с ними обывателей. Рукой провокатора брошенная на Екатерининской площади бомба, ранившая множество людей, между ними казаков, дала повод разбойникам выпустить залп в безоружную толпу, оставившую на месте раненых и убитых. Вслед затем военщина перенесла свои силы в порт, оцепила его, и начался, в зареве пожара, расстрел залпами людей, продолжавших, где было можно, грабить склады.

Воистину „дикий разгул военной силы“ рисуют нам воспоминания очевидцев этой ночи: „В тысячи людей, грабивших склады, пускались в течение ночи залп за залпом.

Стреляли из ружей, из пулеметов. Стреляли во все стороны... Всю ночь шла канонада, ужасы сгущались... В это время в пламени жарились напившиеся дорогими винами босяки, на извозчиках неслись, дико гикая, громилы". Пожар охватил всю гавань.

Толпы рабочих, стремясь прорваться в город, поднимались вверх по набережной. Полиция, желая выместить на безоружных рабочих свой страх минувшего дня перед броненосцем, натравливала на них казаков и солдат. И здесь в ход была пущена провокация: „Это грабители! Вот внутренние враги — японцы!" В результате залпы и груды убитых.

А в предместьи (Молдаванка) полиция беззастенчиво открыто начинала еврейский погром. „Это была ужасная ночь, и Одесса ее никогда не забудет". Она была полна ужаса и горького трагического раздумья для многих и многих на „Потемкине", с палубы которого была видна картина зловещего пожара и слышны были залпы, убивающие сотни людей.

Что мог сделать теперь могучий „Потемкин"? На экстренном заседании Судовой Комиссии решено было бомбардировать набережную, где виднелись войска. Но последовал отказ командира „Потемкина" Алексеева под тем предлогом, что „нет электрических приборов для ночного прицеливания", и бомбардировка была отменена. Но не это заставило отказаться от нее, а главным образом неуверенность в том, что команда пойдет на такой шаг. В самом деле — в кого направлять снаряды, кого расстреливать? Перепившихся босяков, заживо сгорающих ополоумевших грабителей? И среди них случайных рабочих, солдат, часть которых была на стороне „Потемкина"? — Нет!!

Осудив себя днем отказом в десанте на бездействие, „Потемкин" ночью переживал трагедию обидного бессилия. Итог ночи — не менее 2.000 убитых. Со следующего дня торжествовала реакция.

VIII. На следующий день. Похороны Вакулинчука.

Настало утро и принесло с собой новые подлости погромщиков и мобилизацию их сил. Еще не погас в порту пожар, не убрали еще с набережной трупы убитых и заживо сгоревших, а казачий взвод уже брошен на толпу людей, отыскивающих на страшном пепелище погибших в ночной вакханалии родных и близких. Снова залпы, стоны, крики женщин и детей, снова убитые, раненые.

Погромщики, довольные успехом грандиозной, ночной провокации, еще более окрепли: Одесса и уезд объявлены на военном положении, город превращен в военный лагерь (на Соборной площади разбиты палатки для нескольких тысяч солдат), в полицейских участках идет нещадное избиение рабочих. А революционный броненосец, с орудиями, направленными на Одессу, стоит на рейде все в том же грозном молчании. И на него теперь обращены все упования, все надежды одесских рабочих, уяснивших себе, что уличная борьба теперь невозможна. Неужели и теперь „вольный броненосец“ не окажет обещанной им поддержки? Общее настроение после „кровавой бани“ подавленное, тревожное. Изменилось за ночь к худшему настроение той части солдат местного гарнизона, которая готова была стать в один фронт с потемкинцами и рабочими. В порту из 16 рот стреляло лишь 2 и большая часть убитых — жертвы не солдатских, а казацких и полицейских пуль, а между тем, негодующая толпа, не разобравшая, где друзья, где враги — да и трудно это было в страшную ночь, — бросала камнями в солдат, и это создало перелом в их настроении. Следует еще упомянуть о заявлении солдат, что из толпы в них ночью стреляли, но, как уверяли солдаты из сознательных, это тоже была работа полиции. Цель её — понятна.

Утро на „Потемкине“ началось с того, что решили свезти на берег всех находящихся под арестом офицеров — они были только лишней обузой на революционном корабле. После речи Матюшенко к офицерам, передавшего им предложение команды, — не пожелает ли кто из них „присоединиться к восставшим матросам и вместе с ними встать за святое дело освобождения всего народа“, выразили согласие остаться трое — подпоручик Калюжный, инженер-механик Коваленко и д-р Галенко. Первый, по его словам, обещал „с этого момента душой и телом служить нашему делу“, — и это не осталось фразой. Доктор же Галенко произнес исполненную благородства речь, что, как увидим впоследствии, не помешало д-ру Галенко, представителю буржуазной интеллигенции, проявить себя упорным саботажником и кончить предательством. — Матросы приветствовали оставшихся, остальных свезли тотчас же на берег.

В это же утро состоялись похороны Вакулинчука, на которые было отправлено с броненосца 12 представителей команды. Демонстративные похороны Вакулинчука в городе, объявленном на военном положении, после массовых расстрелов в порту и на улице, явились неожиданностью и для партийных организаций и для терроризированного населения. Никто не ожидал, чтобы администрация согла-

силась на похоронное шествие через весь город с потемкинцами в авангарде. Но переговоры делегатов „Потемкина“ с начальствующими кончились успехом — ведь грозный призрак красного броненосца стоял неотступно. Администрация выговорила лишь сокращение делегации „Потемкина“ до 12 матросов (потемкинцы требовали участия в похоронах 100 товарищей), притом невооруженных; но гарантировала неприкосновенность личности делегатов. Не позже $7^1/_2$ часов они должны были вернуться на броненосец. Процессия — в ней участвовало до 600 рабочих — шла между шпалерами войск, отдававших честь праху убитого. Царил полный порядок. Напряженная тишина лишь нарушалась рыданиями нескольких женщин, даже мужчин, нервы которых надломились за эти дни...

По пути на кладбище полиция с помощью солдат несколько раз пыталась „рассеять толпу“ и отделить ее от делегатов-матросов, провожавших гроб, но безуспешно. Во время шествия в процессию из боковых улиц вливались новые толпы, и скоро вместо прежних 600 человек собралось уже до 3.000. Стрельбы не было, и до кладбища процессия дошла благополучно. На могиле прозвучали сильные речи двух ораторов, призывавших „к борьбе до победного конца!“ В ответ им бодрые возгласы в толпе: „Долой самодержавие!“

С кладбища матросы возвращались на броненосец на извозчиках, по всему пути их горячо приветствовали просветленные духом люди... Но не успели они доехать до пристани, как путь преградила им рота солдат, заставив их пойти пешком. Вслед затем раздался залп — так соблюдалась неприкосновенность делегатов! Матросам, лишенным оружия, оставалось только бежать... Из 12 на броненосец вернулось лишь 9. Остальные были арестованы.

Предательский залп по товарищам-делегатам отозвался эхом глубокого возмущения в команде „Потемкина“, еще ранее этого взволнованной рассказами о подробностях Варфоломеевской ночи. — И „Потемкин“ должен был так или иначе реагировать на эти деяния одесских сатрапов.

IX. Бомбардировка Одессы.

По данным портовой администрации, в ночь на 16 июня пострадало всего 1.200 человек; из них убитых и раненых около 200 человек. Мы знаем, какую веру можно придавать сведениям администрации тех времен. Те известия, которые приносили утром на борт „Потемкина“ подъезжа-

вшие к нему шлюпки, были иные. Они говорили, что одних рабочих было убито за ночь больше 600 человек. К этому прибавлялись рассказы об избиениях рабочих (в участках), которым „не видно конца".

Как только получились эти тяжелые вести, созвано было экстренное совещание команды по вопросу о решительных действиях со стороны „Потемкина". Во время прений обнаружился в начале значительный раскол. Источник его, повидимому, надо искать во влиянии на команду со стороны контр-революционных служак-кондукторов, хотя и арестованных, но допущенных к исполнению своих обязанностей. Но оппозиция была быстро и окончательно побеждена пламенной речью Матюшенко, обратившегося к команде со следующими словами:

„Вот мы, социал-демократы, все здесь перед вами. Нас всего человек 200 — 300, и мы все, как один, решили скорее честно умереть за свободу, чем позорно качаться в петлях от рук наших кровопийц-палачей. Если вы не согласны с нами, если вы считаете нас разбойниками и преступниками, то возьмите сейчас же винтовки и перебейте нас, как собак! После этого вы можете со славой и почетом вернуться к своему прежнему начальству, к своим отцу и матери. Вас наградят, вас встретят с музыкой и почетами".—Оглушительное: „нет, нет!", вырвавшееся из сотни грудей, было ответом Матюшенко. „Мы все вместе идем, все вместе умрем за одно дело"! „Если так, — продолжал Матюшенко,—то сегодня же начнем бомбардировать город и отплатим за рабочих всем озверевшим тиранам". „Согласны!"—загремели все, как один. Так решена была бомбардировка Одессы. К ней стали готовиться.

Этот шаг диктовали, между прочим, и те решительные меры, которые предприняли против „Потемкина" одесские власти. Сообщение с городом к этому времени было прервано; на набережной была рассыпана цепь солдат, которые не допускали к берегу никого из жителей и не позволяли ни одной шлюпке выходить на рейд. Провизия, вопреки обещанию представителей города, по приказу военных властей „Потемкину" не доставлялась.

Около 5 часов вечера с революционного броненосца раздались первые пушечные выстрелы. Сначала было дано 3 холостых выстрела, как бы предупреждающие население, затем начали стрелять боевыми из 6-дюймовых орудий. Были сделаны 2 выстрела и, к большому огорчению потемкинцев, оба оказались неудачными. Снаряды направлялись в дом командующего войсками и в городской театр, у которого расположилась главная масса солдат, казаков и артил-

лерия, — но оба заряда не попали в цель — дали перелет. Бомбардировку решили приостановить. Как выяснилось впоследствии, неудачная бомбардировка была результатом предательства контр-революционно настроенного старшего сигнальщика Ведермейера, давшего неверное определение прицела. Предательство Ведермейера не ограничилось этим: вечером того же дня береговые солдаты передали „Потемкину“ сигнал: „Продолжайте бомбардировку. Утром присоединимся к вам“. Ведермейер принял сигнал, но скрыл его от команды броненосца.

Потемкинцы, неприятно пораженные неудачей, не отказались от решительных действий, но нашли необходимым запастись предварительно точным топографическим планом Одессы и знать, где какие части войск расположены, а также оповестить население Одессы о предстоящей бомбардировке.

В городе выстрелы „Потемкина“, хотя и неудачные, произвели сильное впечатление. Среди солдат, над головами которых пронесся первый снаряд, поднялась паника, часть армии готова была присоединиться к потемкинцам. Начальство проявило растерянность. Настроение рабочих и всех „сочувствующих“ сильно поднялось — загорелась надежда на могучую поддержку броненосца. Окрыленные этой надеждой, рабочие продолжали бастовать.

Шансы на захват города возросли бы при продолжении бомбардировки. Но „Потемкину“ недоставало связи с берегом. Кирилл („11 дней на «Потемкине»“) пишет, что потемкинцы „не прекратили бы бомбардировки из всех орудий, если бы хоть один человек приехал с берега“ и воодушевил команду такими сведениями. Долго ждали известия от города после первых выстрелов, но их не было. И мало по-малу настроение упало.

Приостановив бомбардировку, „Потемкин“ отправил к командующему войсками депутацию, которая должна была категорически потребовать разоружения войск, прекращения избиений и освобождения из тюрьмы всех политических. Но курс у начальствующих с приливом свежих войск все же, видимо, изменился. Командующий войсками не пожелал лично объясняться с представителями „Потемкина“ и передал через адъютанта, что не желает вести никаких переговоров с мятежниками.—Депутация вернулась на броненосец в полной неприкосновенности, но неудовлетворенной. Впрочем, мысли потемкинцев, вскоре после бомбардировки Одессы, были заняты перехваченной телеграммой с сообщением о том, что где-то неподалеку находится эскадра, отношение которой к „Потемкину“ было неизвестно.

X. Навстречу эскадре.

Тотчас же после расшифровки перехваченной телеграммы созвана была Судовая Комиссия, и на совещании было решено итти навстречу эскадре в полной боевой готовности, не открывать огня по эскадре до тех пор, пока она не даст к этому повода. В случае враждебных действий с ее стороны — вступить в решительный бой. Ни в каком случае не сдаваться, в крайнем случае взорваться. Решение Комиссии было единодушно одобрено командой.

Необычайное воодушевление охватило команду. Начались лихорадочные приготовления к встрече. Отдается распоряжение: зарядить все орудия и комендорам (артиллеристам) ложиться спать у своих пушек не раздеваясь. Освещать всю ночь горизонт боевым прожектором, а миноносец № 267 и паровой катер выслать в море для охраны. Всем ложиться спать не раздеваясь. Все приказания выборных начальников исполнялись точно и быстро. Для проверки боевого расписания была произведена боевая тревога, и все оказались на своем месте. Они готовились к смертному бою: все переоделись в светлую, майскую одежду, решив умереть вместе со „своим“ броненосцем. Некоторые из команды обменивались адресами домашних и, целуясь, прощались... Ночь прошла в тревожном ожидании.

Рано утром 17 июня далеко-далеко на горизонте показались дымки эскадры, но скоро исчезли. Возвратился посланный с отрядом потемкинцев пароход с разведки: идет эскадра из трех броненосцев с несколькими миноносцами. Время бежит... Вот уже снова силуэты эскадры на горизонте. Быстро снимается с якоря „Потемкин“ и в совершенной боевой готовности летит полным ходом, рассекая волны, навстречу эскадре. В подзорную трубу различают состав ее: „Три святителя“ с флагом контр-адмирала, „Георгий Победоносец“, „Двенадцать апостолов“, минный крейсер и 6 миноносцев. Сила внушительная; но вот эскадра замедляет ход и скоро совсем останавливается. Замедляет ход и „Потемкин“. С адмиральского корабля „Потемкин“ принимает по беспроволочному телеграфу телеграмму: „Золотые черноморцы! Мы удручены вашим поступком. Чего вы хотите, безумцы?“ Немедленно дается ответ: „Если хотите знать, чего мы хотим, приезжайте на «Потемкин»“. Ответа не последовало. „Потемкин“ снова дает полный ход вперед. Заметив это, эскадра медленно поворачивается и... уходит

обратно. „Потемкин“ не преследует ее, опасаясь мин; возвращается в Одессу и бросает якорь на прежнем месте. На броненосце царит оживление и приподнятое настроение. Крепнет вера в силу „Потемкина“.

Едва успевает команда кончить скудный обед (за отсутствием провизии, почти одни сухари с водой), как на горизонте вновь эскадра, на этот раз усиленная еще двумя броненосцами теперь их 5 — и минной флотилией (крейсерами). Эскадра, построившись 2 колоннами в боевой порядок, идет на мятежный броненосец, видимо намереваясь атаковать его со всех сторон. Но „Потемкина“ не остановит теперь ничто. На нем бьют боевую тревогу, броненосец снимается с якоря и снова стремительно идет навстречу эскадре. Пушки, мины,—все, что надо, готово для отчаянной схатки. Веселые за несколько минут перед этим лица матросов принимают сосредоточенное, серьезное выражение. На них печать решимости—бороться до конца. Все ближе эскадра... Впереди — броненосцы и минные крейсера, сзади — контр-миноносцы. Идя все время полным ходом, „Потемкин“ врезывается в самую середину эскадры, направляя свои орудия на проходящие суда. „Ростислав“ и „Три святителя“ в мрачном безмолвии отвечают ему тем же, а на палубе остальных трех броненосцев замерли в ожидании матросские команды. Величественную картину представлял собой грозный красавец, броненосец — революционер, молча врезывающийся в боевые колонны Черноморской эскадры.

Что происходило в это время на ее судах? Там также готовились к бою. Но большинство команд всей душой сочувствовало потемкинским товарищам. На флагманском корабле „Ростислав“ дважды приказывали „Потемкину“ сигналом — стать на якорь. Но с „Потемкина“ ответили „Ростиславу“ и „Трем святителям“: „застопорить машины, иначе стрелять буду“. После такой аргументации „Ростислав“ и „Три святителя“ застопорили машины, а за ними остановилась и вся эскадра.

Дадим слово одному из матросов эскадры [1]):

„...«Потемкин», мощный, грозный и сильный полным ходом идет против эскадры в 5 броненосцев! Это было величественное зрелище... Пушки „Потемкина“ направлены на нас, он целился ими в нас. Вот он уже близко, вот уже идет между „Ростиславом“ и „Тремя святителями“. Ужас, восторг смешались вместе... Схватившись за стойку, я оцепенел от этих ощущений. На „Ростиславе“ все за-

[1]) Революционный броненосец. Письмо матроса (Р) в „Искру“.

тихло, замерло, притаилось и томительно ждет чего-то страшного, таинственного. А „Потемкин“ гордо, смело идет между нами, не спуская пушек с намеченной цели... Ни души не видать на „Потемкине“, как будто это волшебное заколдованное судно, как будто это призрак! Одни лишь пушки ворочаются, не спуская с намеченной цели. Но это был не призрак, а первый красный броненосец — грозная сила, импонирующая морским волкам своим дерзновением, героизмом и одухотворенностью. „Потемкин“ поравнялся с флагманским „Ростиславом“, и вдруг на верхней палубе революционного броненосца раздалось громкое: „да здравствует свобода! ура!..“ И в ответ на это с 3 броненосцев, как гром небесный, „грянуло могучее, дружное: „ура!“ Трудно описать тот эффект, который произвело это на „Потемкина“. Горячее „ура!“ не смолкало и перекатывалось с палубы на палубу, пока суда эскадры не отошли на значительное расстояние. Эскадра стала вблизи Одессы, и „Потемкин“, таким образом, очутился в открытом море. Снова переговоры и сигнал „Потемкина“ — „офицерам оставить суда и съехать на берег. На эскадре замешательство: она перестраивается и направляется в море. Тогда „Потемкин“ опять идет навстречу, снова проходит сквозь строй, между „Ростиславом“ и „Синопом“. И опять с 3 броненосцев гремит „ура“ команды, а „Ростислав“ и „Три святителя“ попрежнему идут в боевом порядке.

„Но вот видят: на эскадренном броненосце „Георгий Победоносец“ творится что-то неладное: он выходит из строя и малым ходом направляется к „Потемкину“. „Почему „Георгий“ не по-боевому“?—спрашивают сигналом с „Ростислава“, и получают ответ: „Команда «Георгия Победоносца» желает свезти офицеров на берег и присоединиться к «Потемкину»“! Встревоженный „Ростислав“ сигнализирует: „Употребите все силы и следуйте за эскадрой“ и читает ответ „Георгия“: „Не могу, не могу, не могу!“ „Георгий Победоносец“ присоединяется к „Потемкину“.

„Но и на „Синопе“ замечается какое-то колебание. Когда „Потемкин“ поровнялся с „Синопом“, оттуда гремело „ура“, Матюшенко сигнализировал: „Присоединяйтесь!“ И вот броненосец то выйдет из строя, то опять с эскадрой. (Как выяснилось потом, там боролись две „партии“—за присоединение к „Потемкину“ и против.)

„Командующий эскадрой отдает приказание (сигналом): „Двенадцати апостолам“ зайти с броневой стороны „Потемкина“ и приготовить пушки и мины, чтобы потопить его. „Потемкин“ отвечает тем, что наводит пушки на „Двенадцать апостолов“, и требует, чтобы броненосец остановился,

и это исполняется. А матросы „Двенадцати апостолов“ выбрасывают в море главные действующие части приготовленных к бою минных аппаратов и пушек, и броненосец делается небоеспособным“.

Видно, что и на остальных судах команды „ненадежны“, колеблются. Адмиралу Кригеру оставалось только бежать, опасаясь, что вся эскадра пристанет к „Потемкину“. И скоро эскадра, не сделав ни единого выстрела, исчезает на горизонте. Потемкинцы ликовали, воодушевление их достигло высшего предела. Настроение, „трепетное“ при первой встрече с эскадрой, теперь сменилось уверенным, могучим. Потемкинцы праздновали небывалую победу: перед одним броненосцем бежала эскадра из 5-ти броненосцев, минного крейсера и отряда контр-миноносцев. Но и помимо победы „одного против всех“, у „Потемкина“ была теперь своя эскадра: 2 броненосца, миноносец № 267 и „Веха“. Немудрено, что в головах потемкинцев „рисовались уже планы завоевания политической свободы для всего юга России и распространения ее на всю многострадальную родину“.

XI. Новый союзник.

Присоединение к „Потемкину“ броненосца „Георгия Победоносца“ значительно увеличило и физическую и моральную мощь революционного броненосца.

Раньше, чем остановиться на этом событии, вернемся ненадолго к тому, что произошло в Севастополе, когда морское начальство узнало о восстании на „Потемкине“.

По плану начальствующих, эскадра должна была 21 июня итти к о. Тендра для присоединения к „Потемкину“ с целью совместных практических занятий. Но весть о восстании, полученная 15 июня, вызвала приказ броненосцам эскадры — развести пары и готовиться к походу; одновременно командиры всех судов приглашались к адмиралу на совещание, на котором вырабатывался план „усмирения“ и захвата „Потемкина“. Но и другой еще неприятный вопрос пришлось разрешить им: как быть с броненосцем „Екатерина II“, проявившим накануне этого дня явно бунтовщические наклонности? На совещании командиров было решено „Екатерину II“ оставить в Севастополе. И ночью эскадра (в составе 3 броненосцев, минного крейсера и 5 миноносцев) ушла в море без „Екатерины II“.

Нам пришлось уже говорить о сравнительно большом проценте распропагандированных матросов на „Екатерине II“. Добавим к этому рассказ военмора Дудина, пере-

дававшего автору настоящего очерка, что матросы „Екатерины II“ отнеслись с большой готовностью примкнуть к предполагаемому в Тендровской бухте восстанию, более того, активная группа заготовила к решительному дню динамитные бомбы, намереваясь в момент восстания сбросить их через люк в офицерскую столовую, где всегда собиралась компания офицеров.

Матросы эскадры, идущей брать в плен „Потемкина“, узнали о цели похóда из приказа, прочитанного на судах 17 июня, и сейчас же началась почти открытая агитация— не выступать против броненосца-революционера. Многие из команды сочувственно откликнулись на призыв, и на броненосцах шли такие разговоры: „Если правда, что мы идем на «Потемкина», то стрелять в него мы все равно не будем: там наши братья“. Некоторые из агитаторов, выслеженные, вероятно, шпионами, были арестованы.

Когда при второй встрече команда „Георгия Победоносца“ увидела направленные на броненосец дула орудий „Потемкина“, ею овладело волнение, и быстро создалось решение: „Лучше выйдем все наверх — не станут потемкинцы в нас стрелять, раз увидят, что мы не идем против них“. И сейчас же вслед за тем матросы „Георгия“ бросают свои посты и высыпают на палубу.

Эскадра, повинуясь сигналу, уходит в море, но команда „Георгия Победоносца“ протестует: она не позволит броненосцу двинуться, пока не узнает от самой команды „Потемкина“, что случилось там. Пользуясь замешательством начальства, один из матросов „Георгия“ вызывает по семафору с „Потемкина“ депутацию, и через несколько минут „Георгий Победоносец“ идет уже под красным флагом. Депутация от „Потемкина“, среди которой находятся Кирилл и Матюшенко, появляется на „Георгии Победоносце“. Матюшенко, поведав команде о событии 14 июня, приглашает ее присоединиться к „Потемкину“ и призывает к солидарности весь флот. В ответ гремит „ура!.. согласны!“

От имени соц.-дем. организации Одессы говорит Кирилл о той беспощадной борьбе, которая, разливаясь от края до края, охватила пожаром восстания почти всю многострадальную Россию, и призывает матросов „не быть слепыми палачами самих себя“ и итти в ряды восставших за права и свободу народа. — Буря восторженных криков!

С сильной речью обращается Кирилл к группе оторопевших офицеров, сгрудившихся около рубки: „Вы, г.г. офицеры, вы — продажные слуги народных тиранов и слепое орудие их кровавых замыслов. Много невинной крови

лежит на вашей зачерствелой совести. Но теперь пришел час народного суда. Ваша роль сыграна... Вам теперь здесь не место. Судно, выстроенное трудом и потом народным, отныне переходит в его собственные руки и послужит на благо и защиту его, а не на его порабощение и угнетение. Да здравствует народное освобождение. Долой тиранов! Именем народа все вы немедленно арестуетесь" [1]). Арестованных вскоре свозят на катере на берег. В катере их провожает Матюшенко с револьвером в руках.

„Потемкин" встал на свое прежнее место, где бросил якорь и дал сигнал „Георгию Победоносцу"—стать на якорь вблизи. — Торжественной была эта минута, когда новый союзник броненосец проходил мимо „Потемкина". С „Георгия" по всем военным правилам отдали честь старшему товарищу. Тем же отвечал „Потемкин". Ликованию среди команды не было пределов.

Но в чаду ликований потемкинцы допустили непростительную ошибку, чреватую последствиями: на „Георгии Победоносце", как и на „Потемкине", были оставлены все кондуктора и даже не арестованы, при чем один из них (старший боцман) попал даже, по выбору команды, в командиры броненосца. Какую гнусную роль сыграли в восстании кондуктора, эта реакционная часть команды броненосца, показали события следующего дня, с которого восстание пошло под уклон. — Пока же „Потемкин" чувствовал себя еще сильнее и увереннее.

Присоединение „Георгия Победоносца" произвело большое впечатление на власти Одессы. Показателем является, между прочим, то, что к „Потемкину" стали подъезжать капитаны частных пароходов с просьбой дать им разрешение на выход из гавани...

Вечером на „Потемкине" состоялось открытое заседание Судовой Комиссии с участием депутатов от команды „Георгия Победоносца". И в этом собрании, прошедшем с громадным подъемом духа, еще раз были подтверждены и детализированы категорические требования к военной власти Одессы и решено, при отказе с их стороны, завтра же открыть военные действия на море и на берегу. Строились планы и на дальнейшее будущее: — в случае захвата Одессы, овладеть и другими городами Черноморского побережья, создать Южную республику и т. д. — Но завтрашний день спутал все планы.

---

[1]) „Красный флот", № 105 „Искра".

XII. Измена „Георгия Победоносца“.

Утро 18 июня принесло „Потемкину“ тяжелую весть о том, что в команде „Георгия Победоносца“ раскол: большинство команды, с командиром (из кондукторов) и другими кондукторами во главе, настаивает на том, чтобы итти в Севастополь и войти в переговоры с начальством, а „Потемкина“... предоставить своей судьбе. — Теперь-то члены Судовой Комиссии увидели, какой громадный промах допустили они, оставив на „Георгии Победоносце“ кондукторов и не высадив их вместе с офицерами на берег.

Для людей, знакомых с нравственной физиономией кондукторов, известных у матросов под названием „шкур“, имелись все основания опасаться их влияния на команду. Не даром же в день восстания на „Потемкине“ все кондуктора были арестованы и лишь потом, когда выяснилось твердое революционное настроение команды, кондуктора были освобождены для выполнения своих специальных обязанностей, но с предупреждением, чтобы они под страхом смерти не вмешивались в распоряжения Судовой Комиссии. Кондуктора, боясь тогда расстрела, плакали, приносили раскаяние в своих провинностях против матросов. Их помиловали, и, в благодарность за великодушие, они проявили себя как самые ярые контр-революционеры. Уже перед бомбардировкой Одессы дал себя знать тот „змеиный яд“ разлада и предательства, которым исподволь отравляли кондуктора наименее окрепших матросов. Откуда-то взялась идея итти в Румынию — разговоры об этом шли уже среди кондукторов, и, что еще хуже, раздавались голоса за то, чтобы итти с повинной в Севастополь. Мы знаем, что пламенная речь любимого матросами Матюшенко уничтожила разлад и объединила всех одним порывом.

Но на „Георгии Победоносце“, только что совершившем свою бескровную революцию, потемкинцы не оставили никого из своих вождей, а командиром броненосца стал один из кондукторов. Что представляли из себя эти господа и каково было отношение к ним матросской массы, видно уже из характерных названий: „кожа“, „шкура“, которые были им присвоены. Оставаясь по своему желанию на службе сверх срока (7 лет), кондуктора, представлявшие собой нечто вроде низшего офицера, достигали этого почетного, с их точки зрения, звания, всячески выслуживаясь перед начальством и пуская при этом в ход нашептывания,

кляузничество, доносы. Сравнительно хорошо оплачиваемая должность кондуктора (месячное жалование 50 рублей, заведывание продовольствием) давала, кроме того, значительную власть над матросами; в итоге из кондукторов вырабатывались твердые приверженцы царского правительства и ярые приспешники начальства.

Ясно, что оставлять кондукторов на свободе, в тесном общении с командой „Георгия“, было большой ошибкой, и при известии о посеянном кондукторами расколе, Судовая Комиссия должна была немедленно принять меры к ликвидации его. Арест всех кондукторов казался Комиссии запоздавшей мерой, которая могла бы повести к обострению отношений с командой „Георгия“, и потому решено было воздействовать на нее убеждениямн. Уполномоченные Судовой Комиссии (Кирилл, инженер Коваленко и другие) отправились на „Георгий Победоносец“, где их ожидал недружелюбный прием. Командир броненосца встретил их заявлением, что „команда решила итти в Севастополь“. К собравшейся на палубе команде обратился с горячей речью инженер Коваленко, прерываемый вначале сторонниками кондукторов. „Неужели же вы, спросил он, вчера добровольно присоединились к нам только затем, чтобы уже сегодня стать изменниками великому делу освобождения народа? Неужели же вчерашняя решимость ваша уступила место позорному малодушию? Что же смущает вас? Или наши броненосцы не сильны? Или наше дело не правое? Нет, товарищи! Наши броненосцы непобедимы с тех пор, как они перешли на сторону восставшего народа... В этом вы могли убедиться вчера, когда вся почти Черноморская эскадра бежала от „Потемкина“, не будучи в состоянии овладеть им“. Речь Коваленко, призывающая „поспешить на помощь народу, готовому подняться на решительную борьбу с ненавистным врагом“, возымела свое действие, Ответом на нее было дружное „ура“! и несущиеся со всех сторон возгласы: — „Не пойдем в Севастополь! не оставим „Потемкина“. — Командир контр-революционер и его приспешники приуныли.

Но слово взял другой интеллигент, доктор Галенко, и пошатнул настроение. Вначале он изливался в уверениях, что любит матросов и желает им добра, но потом вдруг начал одобрять предложение итти в Севастополь, вступить в переговоры с начальством. На отпор Коваленко, убеждавшего георгиевцев в неприемлемости возращения с повинной, Галенко выступил снова и выразил уже надежду, что не только георгиевцы, но и потемкинцы согласятся сегодня же пойти в Севастополь. Спор этот кончился

заявлением Коваленко и других, что такой серьезный вопрос может быть решен лишь совместно командами обоих броненосцев. Георгиевцы с этим согласились. Но в конечном счете пререкания с доктором Галенко увеличили колебания команды „Георгия Победоносца". — Яд предательства проник глубоко. Члены Судовой Комиссии приняли решение арестовать кондукторов „Георгия Победоносца", но привести это решение в исполнение не удалось.

Потемкинцы, ознакомившись с происшедшим на „Георгии Победоносце", категорически отказались итти в Севастополь. Наоборот, решили этим же вечером ударить всей силой своего вооружения на Одессу, завладеть городом, обеспечить себе тыл и базу, а потом подготовиться к новой встрече с эскадрой, если бы та снова вздумала нападать. По просьбе георгиевцев, для согласованности действий и более тесной связи с „Потемкиным", на „Георгий Победоносец" отправили несколько наиболее преданных делу потемкинцев и с ними... доктора Галенко. В последнем, конечно, сильно сомневались, но не сочли возможным отказать в просьбе товарищей прислать на бр. „Георгий Победоносец" и его.

На „Потемкине" занялись неотложными делами, как вдруг тревожный крик: „Победоносец" снимается с якоря!" Выбежали на палубу и убедились, что это так. Сигнальные приказы не сниматься с якоря, остаться на прежнем месте не действовали!—броненосец уходил в море. Бурное негодование охватило команду „Потемкина". Пробили боевую тревогу и подняли боевой красный флаг: 12-дюймовые орудия „Потемкина" готовы были пустить ко дну изменника. Но „Георгий Победоносец" круто повернул обратно и поровнялся с „Потемкиным", на последнем успокоились и спустили боевой флаг. Но то был предательский маневр: вместо того, чтобы встать на прежнее место, „Победоносец" сделал вдруг крутой поворот и прежде, чем кто-нибудь успел опомниться, вошел в Одесский порт и, засев на мель, бросил якорь. Измена „Георгия Победоносца" страшно взволновала и возмутила потемкинцев.

Как и следовало ожидать, душой этого предательства был д-р Галенко. Выяснилось, что, как только депутация с „Потемкина" взошла на „Георгий Победоносец", Галенко устроил тайное совещание с кондукторами, а затем стал уговаривать команду итти в Севастополь, беззастенчиво уверяя ее в том, что и „Потемкин" последует за ними. Его поддерживал командир с своей компанией, потемкинцев же не слушали. Вскоре командир приказал сниматься с якоря. Поместившись с доктором Галенко на мостике,

эти господа, войдя заранее в соглашение с сигнальщиками, ложно толковали сигналы, говорившие, будто бы, что „Потемкин“ сейчас же пойдет за „Георгием Победоносцем“, и только боевой флаг на „Потемкине“ обнаружил обман. Под угрозой орудий „Потемкина“, команда потребовала возвратиться.

Прибывшие с „Георгия“ потемкинцы сообщили, что команда его совершенно растерялась, и значительное большинство, повидимому, готово отдать себя в распоряжение властей. На команду „Потемкина“ измена „Георгия Победоносца“ произвела удручающее впечатление и разложила ее. Сначала, в общей суматохе, слышались различные решительные предложения: арестовать сейчас же на „Победоносце“ всех „подлецов и изменников“, расстрелять и утопить броненосец и т. д. На это возражали, что снаряды, направленные в „Георгия Победоносца“, повлекут жертвы в городе, да и потопить изменивший броненосец нельзя, раз он на мели. Большинство пришло в смятение и не знало, что делать. Между тем, к „Георгию Победоносцу“ направлялись со всех сторон военные катера и шлюпки...

На революционном броненосце, так много пережившем за эти дни, чувствовался упадок духа, при котором нечего было и думать о каких-либо решительных шагах по отношению к Одессе. Возбужденная, разочарованная масса ждала какого-то исхода... В это время послышались отдельные голоса наиболее трусливых, предлагающих итти в Румынию. За это предложение ухватились все. Наиболее „солидные“ подкрепляли предложение похода в Румынию тем соображением, что там можно запастись углем, пресной водой (для котлов), провизией и обдумать план дальнейших действий. Громадное же большинство уже жаждало отдыха, особенно машинисты и кочегары, измученные беспрерывной адской работой у 16 паровых котлов при 80° жары. И через минуту вся матросская масса гремела: „В Румынию идем! Тут нам теперь нечего делать! Нам изменили!“ Кризис совершился, душа „сложного коллектива“ дрогнула. Убеждения Кирилла и Фельдмана продолжать борьбу не действовали, а, наоборот, вызвали озлобление матросов и угрозы выбросить за борт. Подпал под влияние толпы и Матюшенко, также кричавший: „в Румынию!“. Когда Кирилл бросил ему: „Матюшенко, опомнись! На нашей совести 600 рабочих, убитых в порту!“ — в ответ он услышал: „А вы что, трусите? За шкуру свою боитесь? Так я вас сейчас могу на берег высадить!“ Матюшенко, верный себе, говорит Фельдман, потерял голову, как только

массу охватила паника [1]). Бегство в Румынию давно уже нашептывали контр-революционеры-кондуктора, и об этом вслух говорил „командир“ Алексеев, мечтающий о береге.

„Потемкин“, снявшийся с якоря без всякого распоряжения, взял курс на Констанцу, главный порт Румынии. Измена „Георгия Победоносца“ оказала решающее влияние на крушение всех планов „Потемкина“, и с этого момента восстание пошло под уклон. Рухнула надежда на присоединение эскадры, пример „Георгия“ поколебал менее твердых и разбил революционное единодушие. И положение во всех отношениях, в том числе и в боевом, с уходом „Георгия Победоносца“ изменилось к худшему. Оно стало еще хуже, чем до его присоединения: теперь в руках военщины Одессы оказался сильный броненосец, пушки которого могут быть направлены против восставших... Темные силы — они были и на Потемкине — подняли голову. Вскоре по отплытии из Одессы тайно скрылось ночью сопровождавшее „Потемкина“ госпитальное судно „Веха“.

XIII. Трагедия учебного судна „Прут“.

Восстание на „Потемкине“ произвело громадное впечатление на остальных моряков и даже вызвало немедленно активный революционный шаг в Черноморском флоте. Об этом свидетельствует, полный глубокого значения, трагический эпизод с учебным судном „Прут“, сделавшим попытку присоединиться к восставшему „Потемкину“.

На „Пруте“ — этом небольшом учебном безоружном судне, по своей революционной подготовке стоявшем, однако, наравне с наиболее распропагандированными мощными броненосцами черноморской эскадры,—в связи с происшедшим на „Потемкине“, также вспыхнуло восстание. Повторилось в миниатюре то, что было на „Потемкине-Таврическом“ 14-го (27) июня и 17-го (30) июня. „Прут“, совершив свой революционный переворот, спешно шел на помощь красному броненосцу.

История восстания на „Пруте“ так тесно связана с выдающейся личностью его вдохновителя и руководителя, матроса Алексея Петрова, что необходимо сказать несколько слов, прежде всего, о нем [2]). Матрос Петров до призыва

---

[1]) „Восстание на броненосце «Потемкин-Таврический»“, стр. 118.

[2]) Пользуемся данными, взятыми из следующих трудов: 1) М. Моршанская: „Матрос Черноморского флота А. М. Петров“. № 4 (39), „Прол. Рев.“, 1925 г. 2) В. Камшицкий: „1905 год в Севастополе“. Крым. ГИЗ, 1925 г.

на военно-морскую службу работал в различных городах на фабриках, заводах и в железно-дорожном депо Зачисленный во флот, А. М. Петров попадает на броненосец черноморской эскадры „Екатерина II-я“, отличавшийся, как мы уже знаем, резко повышенным революционным настроением, настолько определившимся в „потемкинские“ дни, что совещание командиров о захвате силами эскадры взбунтовавшегося „Потемкина“ решило броненосец „Екатерина II-я“ оставить в бухте Севастополь.

На этом броненосце Алексей Петров, „увлекательный, горячий агитатор, талантливый и знающий оратор“, развил кипучую революционную деятельность, вошел в группу организаторов общего восстания на судах эскадры, и ждал, вместе с другими, установленного сигнала. Но команда „Екатерины II“ уже настолько зарекомендовала себя в глазах высшего начальства неблагонадежностью, что незадолго до восстания на „Потемкине“ была раскассирована часть матросов, и ученики мореходных классов были распределены по разным судам.

А. М. Петрова, со значительным числом товарищей, посылают на „Прут“, и он, найдя здесь трех энергичных, преданных делу соратников—Титова, Адаменко [1]) и Черных, продолжал с еще большей энергией дело, начатое на „Екатерине II“. „Агитировали не только на сходках, но даже ночью, на койках...“ Такой лихорадочной, яркой агитации не могли не заметить командующие „Прутом“, усилили „слежку“, старались отделить учеников Одесских мореходных классов и технический состав от матросов, но было уже поздно.

Тов. Петрову, бывшему в курсе дела заговора о восстании на Черном море и не терявшему связи со всеми судами эскадры, удалось снестись и с командой „Потемкина“ и условиться о высадке десанта с „Прута“ и о захвате крепостной артиллерии (в Севастополе) в ту решительную минуту, когда эскадра будет итти от Тендры.

Как мы знаем, „Потемкин“ еще 13 (26) июня вышел в бухту Тендры для пристрелки по мишеням орудий, и команда „Прута“, прибыв туда же 14-го июня, рассчитывала застать броненосец в бухте, но „Потемкина“ там уже не было. Учебное судно „Прут“ отправляют в Николаев принять груз для Севастопольского порта, но в Николаеве утром 16 июня „Прут“ получает неожиданно экстрен-

---

[1]) Следует отметить разногласия около этого имени: второй из товарищей Петрова в статье Моршанской назван Адаменко, в брошюре же В. Камшицкого—Бондаренко.

ный телеграфный приказ—немедленно следовать в Одессу для присоединения к эскадре.

Сопоставляя все это, команда „Прута“ поняла, что морские волки готовят нападение на бр. „Потемкин“ и намерены сделать „Прут“ участником расправы. Но общее революционное настроение, горячее дыхание 1905 года и работа соц.-демократа матроса Петрова с его „тройкой“, опрокинули расчеты начальства: не дожидаясь того часа, когда „Прут“ направят против восставшего „Потемкина“, наиболее революционная часть команды с Петровым во главе, по пути к Севастополю, вооружившись винтовками, овладевает судном, убивает двух из начальствующих, пытающихся сопротивляться, арестует остальных и призывает всех прутцев итти в Одессу на соединение с „Потемкиным“. Это было — единодушным, рвущимся наружу, желанием всей команды, и „Прут“, управляемый выборным Судовым Комитетом, установившим на судне образцовую дисциплину, держит курс на Одессу. Скорее бы увидеть родной революционный броненосец!

На втором митинге на „Пруте“ решено:—как только будет виден „Потемкин“, поднять красный флаг и сигнализировать потемкинцам: „Примите нас к себе“. Спешит „Прут“ к намеченной цели, прибывает в Одессу, но... не находит там „Потемкина“—он только что, быть может, за час—другой перед этим, вышел в море. С этого момента начинается трагедия „Прута“.

Вождь восстания, а с ним и товарищи по общему делу переживают колебания: что делать? куда итти? На собрании Петровым намечаются 2 пути: или плыть к берегу Румынии, оттуда, снявшись с „Прута“, перебраться за границу, а потом возвратиться для революционной работы в Россию; или же, подняв красный флаг, вернуться в Севастополь и призвать к восстанию эскадру. Выбран был второй путь, и он оказался губительным для команды „Прута“ и, прежде всего, конечно, для А. М. Петрова и его сподвижников.

Опуская подробности, упомяну, что на утро следующего дня „Прут“, направлявшийся в Севастополь, оказалось, идет под контролем двух контр-миноносцев. Участь разминувшихся с „Потемкиным“ революционеров-моряков была решена.

До прихода в Севастополь, освобожденные из-под ареста офицеры и командир „Прута“ Барановский, обрадованные тем, что отделались так легко, играли в либерализм и уверяли матросов, что никто из них не пострадает и что они сами даже будут просить командующего флотом

не поднимать дела о восстании. Но все это было пустопорожним разговором. В Севастополе „Прут“ поступает в распоряжение морского начальства, на борту его появляется свирепый Чухнин, начинается „следствие“, требование выдать зачинщиков, в перспективе суд.

Мужественное заявление Петрова в ответ на требование назвать зачинщиков, что руководителем восстания был он, член с.-д. партии, и никаких сообщников не имел, никакого влияния на чинящих „суд“ и „расправу“ не произвело: результат военно-морского суда, место которого было окружено четверной цепью солдатских штыков и на котором затыкали рот защитникам (Куперник и Резников)—четыре смертных казни, 38 человек в каторжные работы, а затем арест без комедии суда, 200 матросов, присоединенных к ранее арестованным 900 матросам. Все они, 1.100 человек, в „административном порядке“, должны были отправиться на службу на Амур, и прослужив 7 лет, остаться на всю жизнь в качестве поселенцев. Казнены были А. М. Петров, Титов, Черных и Адаменко.

Суд над командой „Прута“, с его каторжной обстановкой (добавим, что подсудимые, как нижние чины, должны были все время стоять)—вызвал в среде трудящихся Севастополя забастовку протеста, которая, все возрастая, продолжалась 4 дня. Первыми забастовали портовые рабочие, на следующий день к ним примкнули рабочие железнодорожных мастерских, два дня не работали все извозчики, забастовали служащие почти всех магазинов. Но приговор, хотя и с промедлением, был приведен в исполнение.

Поучительная подробность: приговор был послан в Петербург на усмотрение Николая II, при чем весь состав суда ходатайствовал о смягчении, а защита—об отмене смертного приговора. Но, как передают современники, царь даже не стал читать дела, а ограничился надписью—„передать в распоряжение Чухнина“. Как „распорядится“ зверь-Чухнин, было ясно.

Для характеристики этого неутомимого царского слуги, упивавшегося расстрелами и виселицами, отметим эпизод с приговором суда по делу „Прута“. Узнав, что суд „ограничился“ 4 смертными приговорами, назначив остальным 38 подсудимым каторжные работы на разные сроки, Чухнин, до нельзя разгневанный, вызвал к себе председателя суда полковника Девиссона и разнес его за „мягкий“ приговор. И тут же приказал прокурору немедленно подать кассационный протест против того, что не ко всем 42 подсудимым применили статью о смертной казни. Про-

курор послушался... Все же Чухнину пришлось удовлетвориться смертной казнью четырех.

Население не знало дня совершения приговора: видимо, боялись „осложнений“. Но тайное стало явным, и на другой же день после смертной казни стала известна во всех

Экипаж „Потемкина“ в Констанце.

гнусных подробностях картина подлого убийства четырех революционеров с „Прута“.

Чтобы сделать мучительнее последние минуты приговоренных к расстрелу, нанести им моральный удар, приказано было расстрелять „преступников“-моряков их това-

рищам, матросам из молодых. Теплой сентябрьской ночью (23 сентября) был приведен в поле взвод матросов, которым ни слова не сказали, зачем они потребовались. А там, на месте казни, учеников-матросов окружили густой цепью солдат Брестского полка, и после внушительной речи одного из обер-палачей, с угрозой матросам самих расстрелять за неповиновение, была сделана команда. Первым залпом были убиты трое, привязанные к столбу, четвертый (осталось неизвестным, кто) оказался жив. Он еще стоял также прикрученный к столбу, что-то кричал .. Быть может, просил целиться вернее... Новый залп матросов покончил и с ним.

Потрясающее впечатление произвела эта казнь на матросов черноморцев: — она родила жгучую ненависть к зверям-убийцам и жажду мести, расплаты за гибель лучших из лучших товарищей.

Об этом говорит приведенное в статье М. Моршанской письмо одного из матросов, письмо, полное гнева к палачам и горячей любви к казненным.

„Мы, оставшиеся в живых,—читаем в письме,—продолжая ваше дело, отомстим за вас. Мы зальем поля родины, которую вы так страстно любили, кровью подлых душителей убийц“ .. И мы знаем, что это не осталось только словом...

Эпизод с безоружным учебным судном „Прут“, завершившийся кровавой развязкой, эпизод весьма характерный для 1905-го года, является ценным звеном в цепи событий, рожденных „Потемкиным“—первым действительным откликом военморов на первое вооруженное восстание в российском флоте.

И это событие не будет забыто историком.

Расстрел А. М. Петрова с товарищами, ссылка 1.100 моряков на Амур, вся трагедия „Прута“, стремившегося на помощь „Потемкину“, сыграла свою роль в подготовке второй русской революции.

XIV. Первый приезд в Румынию.

Поколебленные морально и уставшие физически, вышли потемкинцы в открытое море. К душевным невзгодам прибавилось и то, что многие из них до этого не спали по трое и больше суток, а питались все сухарями с водой. Но на пути в Румынию, на морском просторе, все отдохнули, подкрепили себя сном, привели свои чувства в равновесие и воспрянули духом. Команда оживилась настолько, что послышалось пение, затевались игры и танцы.

20 июня „Потемкин“, сопровождаемый неизменно верным ему миноносцем № 267, бросил якорь у порта Констанца. С внешней стороны прием „Потемкина“ румынским правительством был корректным, но дальше этого дело не шло. Сейчас же по прибытии „Потемкина“ на борту его появились (делегированные властями) румынские офицеры, встреченные с надлежащим почетом: пушечным салютом и т. д. Но почетные выстрелы не изменили предопределенной на берегу политики: на просьбу Судовой Комиссии снабдить броненосец за наличные деньги необходимым для его жизни был дан ответ: „К сожалению, это не в нашей власти, телеграфируем «министру-президенту»“. Оставалось ждать ответа г. министра.

Расставаясь с румынскими офицерами, члены Комиссии передали им для вручения иностранным консулам 2 документа, имеющие историческую ценность: 1) манифест матросов „Потемкина“ „Ко всему цивилизованному миру“, бичующий царское правительство, требующий прекращения русско-японской войны и созыва Учредительного Собрания и 2) воззвание „Ко всем европейским державам“.

Приводим эти декументы:

I.

КО ВСЕМУ ЦИВИЛИЗОВАННОМУ МИРУ.

Граждане всех стран и народов!

Перед вашими глазами происходит грандиозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русский народ не вынес векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

Разорение, нищета и бесправие, до которого русское правительство довело многострадальную Россию, переполнили чашу терпения трудящихся масс. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного возмущения и негодования. Могучий крик многомиллионной русской груди — долой рабские цепи деспотизма и да здравствует свобода! — как гром раскатился по всей необъятной Руси.

Но царское правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов полилась целыми потоками по всей родине.

Однако, обезумевшее самодержавие забыло одно, что темная и забитая армия, это сильное орудие его кровавых замыслов, есть тот же самый народ, есть те же самые сыны трудящихся масс, которые решили добиваться свободы. И армия рано или поздно поймет это и сбросит, наконец, с себя позорное пятно палачей своих же отцов и братьев. И вот мы, команда эскадренного броненосца „Потемкин-Таврический“, решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль и штыков на улицах и полях нашей родины, снимут с нас свое проклятие, как с их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И наш общий девиз — смерть или свобода для всего русского народа! Мы требуем немедленной приостановки бессмысленного кровопролития на полях

далекой Манчжурии. Мы требуем непременного созыва Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы, вместе с нашим броненосцем, пасть в бою или выиграть победу.

Мы глубоко уверены, что честные и трудящиеся граждане всех стран и всех народов откликнутся горячим сочувствием нашей великой борьбе за свободу.

Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание!

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ и миноносца № 267.

II.

КО ВСЕМ ЕВРОПЕЙСКИМ ДЕРЖАВАМ.

Заявление.

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ начала решительную борьбу против русского самодержавия.

Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плавающим по Черному морю, и всем иностранным транспортам, здесь находящимся.

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ [1]).

Во время стоянки близ порта один из румынских матросов передал потемкинцам проникнувший в Констанцу тревожный слух, будто бы русский контр-миноносец, управляемый одними офицерами, ищет бр. „Потемкин“, чтобы взорвать его. Позднее тот же слух был передан „Потемкину“ в Феодосии. Потемкинцы решили быть настороже. Всю ночь прожектор освещал с „Потемкина“ море. Бодрствовали у орудий военморы.

Утро следующего дня принесло „Потемкину“ телеграфный ответ министра-президента Румынии, гласящий, что правила „международных отношений“ запрещают удовлетворить просьбу о снабжении броненосца; вместо этого команде „Потемкина“ предложили сдать революционный броненосец береговым властям, разоружиться и высадиться на румынской территории, при чем гарантировали полную свободу и неприкосновенность личности. Предлагали даже выдать отдельные паспорта. Но „бунтарский дух“ был еще жив у потемкинцев, и их депутация, отправленная в Констанцу выслушать ультиматум румынских властей, ответила решительным отказом. Депутаты просили разрешить купить в городе хоть сколько-нибудь провизии, так как почти 3 дня команда питалась только ржаными суха-

[1]) Текст документов перепечатан из книги „Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический»“. Воспоминания, материалы и документы под ред. В. И. Невского, изд. 1924 г., стр. 127 — 128).

рями и водой, но и это не позволили „правила международных отношений“. Тотчас же собирается Судовая Комиссия и единогласно решает: „Румынским властям не сдаваться и итти снова в российские воды продолжать начатое дело“. Команда поддержала это решение, и вопрос был лишь в том, в какой же порт итти? Еще в Одессе была брошена кем-то мысль — итти в какой-либо из портов Кавказского берега, где, как это стало известным, настроение наиболее революционное; доходил также, вероятно, слух о забастовке рабочих в Батуме. Но преградой на пути к Кавказу стал технический кризис „Потемкина“, делающий большой поход рискованным. Незначительный запас угля, погрузка которого в Одессе была сорвана изменой „Георгия Победоносца“, истощался с каждым часом; при недостатке пресной воды котлы питались полусоленой, от которой они скоро портились; наконец, команда, которой пришлось много работать полуголодной, была обессилена. При таком положении дела большой переход на Кавказ с перспективой решительных действий там был невозможен. Решили поэтому итти в такой порт из ближайших, где легче всего было бы снабдить броненосец всем необходимым и, подкрепившись, двинуться к берегам Кавказа и там начать завоевание Черноморского побережья. Остановились на Феодосии.

Перед тем, как „Потемкин“ снялся с якоря, ему снова нанесла визит группа корректных румынских офицеров, приезжавших раньше, снова уговаривала сдаться на капитуляцию. „Ведь та задача, которую вы беретесь выполнить,— говорил один из офицеров,— непосильна для одного броненосца! Эскадра не присоединилась — что же в таком случае ждет вас в Российских водах?“. „Надо бороться, пока можно, не теряя надежды на успех!“ — был ответ. При расставании один из румынских офицеров, „долго и крепко пожимая руки“ представителю революционной Судовой Комиссии, заявил: „Если бы я был русский офицер, я также был бы с вами!“.

Через час „Потемкин“ вновь разрезал волны Черного моря, стремясь в Феодосию.

XV. В Феодосии.

Двухсуточный переход в Феодосию, несмотря на неудачу в Румынии, прошел при сравнительно бодром настроении команды. Шла своим чередом установленная старым регламентом жизнь военного корабля, возобновились заседания Судовой Комиссии, на которые приглашались

„желающие“ и незанятые матросы, а в свободные часы команда развлекалась доморощенной музыкой, пением, порой и гопаком.

Но не оставляли своей работы темные силы „Потемкина“ — кондуктора, сея яд сомнения и тревоги в команде. В темных углах броненосца, в подвалах, нашептывали они матросам свои предательские речи; ловко пользуясь переживаемыми „Потемкиным“ затруднениями (недостаток угля, пресной воды, провианта и т. п.), „шкуры“ распространяли среди команды слух, что броненосец скоро потеряет свою боевую силу, и начальству ничего не будет стоить забрать его в плен [1]). Матюшенко поймал одного из кондукторов за таким занятием и тут же хотел было его расстрелять.

Утром 22 июня стал „Потемкин“ на Феодосийском рейде, весь расцвеченный флагами, с развевающимся красным стягом над башней 12-дюймовых орудий, с надписями: на одной стороне — „Свобода, равенство и братство“ и на другой — „Да здравствует народное правление!“.

Как только бросили якорь, в город на катере отправилась под охраной вооруженных матросов депутация (с Кириллом), потребовавшая на броненосец представителей города и врача для подачи помощи больным товарищам. Не замедлили прибыть на берег представители феодосийского муниципалитета (в лице гор. головы и гласных) и отправились на своем катере на броненосец.

Депутаты-потемкинцы прежде, чем возвратиться на „Потемкина“, обратились к окружавшей их, значительной уже, толпе, в которой были и солдаты с агитационными речами. Они выясняли значение и цель восстания, говорили о необходимости свержения самодержавия и немедленном прекращении преступной бойни в Манчжурии и избиения безоружных на родине, призывали к решительной борьбе за народную свободу и народную власть. Тут же на глазах полиции раздавали потемкинцы свои прокламации. Полиция при словах первого же оратора начала было, по старой привычке, разгонять толпу, но резкий окрик Кирилла заставил ее стушеваться.

Потрясающее впечатление произвела на всех сцена с порт-артурцами. Во время импровизированного митинга на берегу появился хромой инвалид-солдат, с ним 5—6 та-

---

[1]) Положение революционного броненосца действительно делалось катастрофичным в отношении топлива и продовольствия. Уже 8 дней никто не ел мяса; хлеб, пшено и вода были единственной пищей потемкинцев.

ких же изувеченных товарищей. Передний бросился на колени перед депутатами-потемкинцами с воплем: „Братцы, родные! Я к вам. У меня „они“ взяли все. Я калека и мне жить не к чему. Скажите мне, братцы, одно слово, и я своим костылем перебью головы всем им, мерзавцам. Идите к нам! Идите, товарищи, с нами! Вместе будем бить наших тиранов, вместе будем и умирать“. „Возьмите лодку, — ответили потемкинцы, — и приезжайте к нам на броненосец... Будем ходить за вами и кормить вас, как своих лучших братьев“. Эта сцена может служить ярким образчиком живой агитации революционного броненосца. Революционными возгласами и бросанием вверх шапок проводила толпа посланцев „Потемкина“, усаживающихся на свой катер.

Судовая Комиссия предложила прибывшим на броненосец представителям города в течение 24 часов доставить на броненосец уголь и провиант, угрожая в случае отказа подвергнуть город бомбардировке. „Отцы“ города, видимо, были смущены такой перспективой и по возвращении в город созвали экстренное собрание думы, которое подавляющим большинством решило удовлетворить требование „Потемкина“. Против высказалось всего 2—3 гласных оратора-черносотенца; публика их освистала. Были и либеральные речи. Одна из них принадлежала гласному, побывавшему в качестве депутата на „Потемкине“. Мотивом для удовлетворения требований потемкинцев он выставил то, что „они еще требуют Всенародного Учредительного Собрания, с прямым, равным, всеобщим избирательным правом и тайной подачей голосов“. Ему горячо аплодировали. Решив снабдить „Потемкина“ всем необходимым, Феодосийская дума постановила просить военные власти и полицию не препятствовать этому, чтобы „не довести до конфликта“.

Часа через 2 после думского заседания на броненосец стали подвозить всякого рода провиант — хлеб, мясо, овощи, табак и пр. Но вдруг „Потемкина“ извещают, что военные власти силой прекратили дальнейшую доставку закупленного уже броненосцем провианта и за нарушение этого приказа грозят представителям города арестом. И снабжение „Потемкина“ прекратилось. Особенно чувствительно было прекращение доставки угля и пресной воды (для котлов), без которых могучий броненосец терял свою жизненную силу. Потемкинцы взволновались и то и дело отправляли на берег депутатов с требованиями к военному начальству прекратить предпринятую им блокаду. Но все было бесполезно.

Сочувствие городского пролетариата было на стороне „Потемкина“. Несмотря на старания начальства прекратить доступ горожан к берегу, часа в 3 толпа прорвалась в порт, вновь подплыли матросы с „Потемкина“, и вновь полились их агитационные речи. Вот содержание одной из них [1]: „Мы выступили под знаменем Р.С.-Д. Р. П. Мы будем сражаться до последней капли крови. Кто за народ, тот пусть пойдет с нами, кто против него, пусть идет в лагерь наших врагов. С народом погибнем, с ним мы восторжествуем“. Речи ораторов покрывались криками „ура!“ Портовые и фабричные рабочие слились во-едино с мятежниками-потемкинцами. Первые из них, как бы в ответ „на меры“ военного начальства, забастовали. Когда полиция вздумала арестовать одного из толпы, читавшего вслух переданную с катера потемкинцев прокламацию, рабочие, уже расходившиеся по домам, бросились толпой к полицейскому участку и, несмотря на подкрепление полиции полуротой солдат, отбили арестованного.

Между тем наступил вечер, а требования потемкинцев к военному начальству оставались неудовлетворенными. Решили пред'явить ультиматум, подкрепленный угрозой бомбардировать на следующий день город. Пока же послали начальнику гарнизона и городскому голове соответствующее извещение, жителей же Феодосии просили, в виду возможности бомбардировки, до 10 ч. утра перейти в более безопасные места.

Это послужило сигналом к паническому бегству из города. Началось оно, впрочем, гораздо раньше: местные буржуа предупредили события и бросились бежать, как только „Потемкин“ остановился на рейде у Феодосии. Забирая свои пожитки, они спешили покинуть город, платя по 25—30 рублей за проезд на ближайшую станцию, в Старый Крым. Теперь же бегство из Феодосии сделалось всеобщим; обгоняя друг друга, порой сталкиваясь, бежали люди с узлами и детьми на руках. Партийная группа „Потемкина“ пыталась связаться с соц.-дем. организацией в Феодосии, но тщетно: в день прибытия „Потемкина“ никто из „друзей“ с берега на броненосец не приезжал, хотя делегаты партии передавали в город свое приглашение. Кирилл и Фельдман даже ночью ездили на берег, рассчитывая встретить там кого-либо из соц.-дем. организации, но безрезультатно. Это создавало неопределенность положения.

---

[1]) „Революционный броненосец“. Изд. Р.С.-Д. Р. П. Харьков. 1917 год.

С утра 23 июня вся промышленная и общественная жизнь Феодосии приостановилась. Город был об'явлен на военном положении. Оставшиеся в Феодоссии собрались группами на горы и в напряженной тишине ждали, что будет. Вдруг эту тишину нарушил ружейный залп, за ним другой, третий—это солдаты расстреливали на берегу потемкинцев. Дело в том, что часов в 8 утра на „Потемкине" решили реквизировать уголь из береговых железнодорожных складов и для погрузки завладеть одним из стоящих в порту баркасов. Для выполнения этого в порт на катере и миноносце отправилась группа потемкинцев с Матюшенко и Фельдманом. Но едва успели матросы под'ехать к баркасу и часть их взойти на него, как по ним с берега из-за заставы был открыт ружейный огонь залпами. Шесть человек убитыми и ранеными осталось на месте, часть упала с баркаса в воду, двое тяжело раненых оказалось на миноносце. Миноносец и катер отплыли к „Потемкину", всю дорогу осыпаемые градом пуль. Трех матросов и К. Фельдмана арестовали в порту. Расстрел товарищей из засады возмутил потемкинцев. Раздались крики: „Разгромить Феодосию!", и некоторые из матросов, не ожидая даже команды, бросились к орудиям; но порыв возмущения утонул в общем разброде и сменился упадком духа. Наступила полная растерянность, чувствовались паника и отсутствие твердой власти. Одни стояли за бомбардировку Феодосии, другие — большинство — не давали стрелять: поднялась свалка, перебранка. Снова, как аргумент против бомбардировки, выдвигалось то, что нет плана города, пострадают невинные и т. д. Насколько велико в эту минуту было общее возбуждение, говорит тот факт, что один комендор от волнения упал мертвым, сраженный параличом сердца. Среди общего гама, шума и беспорядочных споров стали выделяться голоса за отступление, свидетельствующие о безнадежном переломе настроения: „Ниоткуда нет поддержки! В Одессе изменил „Георгий", а здесь предательски расстреливают солдаты!—Скоро самых смелых перестреляют, а остальных заберут голыми руками!.." И снова знакомый возглас: „в Румынию", подхваченный массой. Протесты меньшинства (один матрос даже рыдал, умоляя не уходить в море, не отомстив) и попытки наиболее стойких уговорить команду итти на Кавказ — поддержать бастующих там рабочих—были обречены на неуспех. Помимо упадка духа команды, самый броненосец, как боевая единица, был, как мы знаем, обессилен, лишен топлива (за недостатком угля жгли шлюпки). Матросская же масса, питавшаяся водой с сухарями, была физически истощена;

многие из машинной команды лежали больными. Расшаталась и внутренняя организация.

Около 12 часов ночи „Потемкин“ снялся с якоря и ушел в море; а в порт Феодосии прибыл в это время из Севастополя контр-миноносец с отрядом почти исключительно из офицеров для охраны города. После неудачи в Феодосии „Потемкин“ очутился в одиночестве, во враждебном окружении. В Севастополе, как на судах, так и в экипажах, шли уже массовые аресты моряков, арестовывали целыми частями и сажали в крепость. Партийные организации растерялись и предоставили массу самой себе. Севастопольский комитет Р. С.-Д. Р. П. не мог издали руководить восстанием и помочь чем-нибудь „Потемкину“. Петербург, Москва и другие города не откликнулись. Связь с берегом отсутствовала. „Мы, — вспоминает потемкинец Орлов, — оказались одиноки“.

Залпы в Феодосии заставили схлынуть последнюю волну боевого настроения потемкинцев, плывших к родным берегам с надеждой на подкрепление. Волна покатилась назад и поглотила волю отдельных лиц, призывавших к борьбе до конца. Они были бессильны противостоять желанию большинства — итти снова в Румынию.

Останавливаясь на причинах печального конца похода в Феодосию, окончательно решившего ликвидацию восстания, Кирилл („11 дней на «Потемкине»“) говорит, что причины эти лежали в самой команде: „Отсутствие у большинства ясного сознания своей революционной роли, своей исторической задачи было причиной того, что у команды не было... твердой веры в себя, в свое дело и решимости довести его до конца“ [1]).

---

[1]) Считаем интересным отметить некоторые характерные подробности „победы“ царской власти над потемкинцами в Феодосии и расправы с сочувствующими матросам революционерами. В дни „Потемкина“ Феодосия находилась в руках одного из свирепых царских сатрапов — полковника 52-го пех. Виленского полка Герцыка. Официально он был только помощником „правителя города“ — генерал-майора Плешкова, но в действительности оставил далеко за собой своего „необыкновенно скромного“ начальника.

И задавшись целью — терроризировать взбунтовавшихся потемкинцев и водворить в Феодосии порядок, полк. Герцык сразу приступил к решительным мерам. Получив от не менее решительного корпусного командира, генерала бар. Меллера - Закомельского, распоряжение по телеграфу: „Арестовать крамольный броненосец и прекратить изменческие с ним сношения с берега“, Герцык прежде всего прекратил погрузку на броненосец муки и быков, а затем устроил засаду из отборных солдат Виленского полка, стрелявших из-за угла по матросам. В награду за эти подвиги от начальства Герцык получил, вне всяких очередей, генеральский чин, но от солдат вверенного полка Герцык получил выстрел в упор — за зверский расстрел

XVI. Второй приезд в Румынию.

„Потемкин“ вышел в море с некоторым запасом провизии, полученной в Феодосии. Кроме того, уже после обстрела с берега, потемкинцам удалось закупить и перегрузить несколько угля у выходящего из бухты английского парохода-угольщика. Настроение команды было, однако, определенно пониженное. По пути из Феодосии потемкинцы хоронили в море свой красный флаг. „Черное море,—вспоминает один из участников восстания,—было свидетелем наших слез и горя, когда его бросили за борт“.

После двухдневного перехода снова показались берега Румынии. Когда „Кн. Потемкин-Таврический“, сопутствуемый миноносцем № 267, вошел в виду Констанцы на рейд, команда обоих судов, настроение которой быстро менялось, оживилась.

Как только „Потемкин“ остановился у входа в порт, военный командир Констанцы, генерал Ангелеску, сигнализировал с крейсера „Елизавета“ потемкинцам, что он желает говорить с командой броненосца. Вскоре к крейсеру „Елизавета“ подошла шлюпка с депутацией от „Потемкина“, состоящей из 8 матросов. Румынские власти пред'явили депутации требование о разоружении судна, обезоружении команды и сдаче орудий. „Потемкину“ был дан срок до 6 час. вечера. После этого депутаты вернулись на броненосец, где состоялось продолжительное совещание.

В этом совещании участвовал новый человек на борту „Потемкина“, т. Х. Г. Раковский, в то время военный врач Румынии.

Тов. Раковский, вспоминая о первом прибытии в румынские воды „Потемкина“, сообщает, что первоначальные сведения о восстании, а также прокламации, выпущенные до

потемкинцев. Стрелявший в „усмирителя“ барабанщик Мочедлобер, однако, промахнулся и был подвергнут мучительной пытке, измышленной для него Герцыком.

„Будучи приговорен к смертной казни, несчастный Мочедлобер просидел в камере более полугода, сойдя в конце концов с ума. Лишь тогда было приступлено к завершению этого акта драмы. В глубокую октябрьскую ночь по улицам Феодосии повезли в закрытом фургоне несчастного мученика, оглашавшего пустынные окрестности нечеловеческими криками. Бравый же генерал вскоре получил назначение в гвардию, в Петроград, где заменен был знаменитым Мином, заняв затем должность командира полка и бригады. (В. Гейман. „Сумасшедший генерал-губернатор“. „Голос Минувшего“ № 2. 1923 г.).

этого времени потемкинцами, он получил, приехав в Констанцу, от побывавших на броненосце румынских офицеров-моряков, сочувствовавших Р.С.-Д.Р.П.; что же касается румынских властей, то они не только не оказали никакого содействия „Потемкину“, но старались возможно скорей избавиться от него. Румынским правительством были приняты, между прочим, меры к тому, чтобы уничтожить или скрыть документы — воззвания, переданные властям потемкинцами. Но благодаря связям с лучшей частью румынских моряков-офицеров, т. Раковскому удалось получить напечатанные по-русски экземпляры двух воззваний революционного броненосца: „Ко всему цивилизованному миру“ и „Ко всем европейским державам“. И эти два воззвания были немедленно переданы Х. Г. Раковским по телегафу за границу, в издававшуюся в Париже газету „Юманитэ“—орган французской социалистической партии. Отсюда оба воззвания потемкинцев облетели весь мир. „Воззвания эти,—вспоминает т. Раковский,—были написаны чрезвычайно бойко и производили глубокое впечатление“. В дальнейшем т. Раковский сделал все, что было в его силах, чтобы популяризировать борьбу „Потемкина“. Все выдающиеся эпизоды, все характерные подробности, которые передавали товарищу Раковскому очевидцы, бывшие на броненосце, он, в свою очередь, сообщал по телеграфу и почтой редакции „Юманитэ“ в Париж. Таким образом раскрывалась перед зарубежным миром настоящая „неофициальная“ картина первого восстания в царском флоте. Глубоко заинтересовавшись историей „Потемкина“, он расспрашивал матросов броненосца о всех подробностях восстания и оказал затем существенную помощь Кириллу, работавшему над описанием восстания: ему принадлежит глава „Драма на Тендре“ в книжке Кирилла — „11 дней на «Потемкине»“. Но не только это озабочивало румынского военного врача Раковского.

„Я,—говорит он,—не считал, что одними корреспонденциями исполняю свой долг революционера. Меня беспокоила дальнейшая судьба „Потемкина“ [1]). По словам Кирилла, т. Раковский „торопился оказать восставшим всякие услуги и содействие в доставке необходимого провианта, воды и угля, чтобы продолжать борьбу“. Лозунг „продолжать борьбу“ был дан телеграммой из редакции „Искры“. В телеграмме этой из Женевы т. Раковского просили не только оказать поддержку „Потемкину“, но и „дать ему маршрут в Батум“, где в те дни шла всеобщая забастовка

---

[1]) См. Воспоминания т. Раковского в сборнике „Красный военный флот“, изд. 1923 г.

побережных грузчиков. В то же время все Закавказье и, в частности, Грузия были охвачены повстанческим крестьянским движением.

Приглашенный в кают-кампанию на совещание Судовой Комиссии, Х. Г. Раковский познакомил ее с телеграммой из Женевы и изложил план завоевания Черноморского побережья, но здесь же вскоре убедился, что „Потемкин" не в силах выполнить этот план.

Весьма характерной является следующая, отмеченная т. Раковским, сценка: во время горячей беседы с членами Комиссии броненосца т. Раковский заметил неподалеку человека, смотревшего на них с „дышащим злобой лицом". То был один из „шкурников" — кондуктор Бурдюков, пристально следивший за разговором. Когда Кирилл стал поддерживать мнение т. Раковского и защищать его план, Бурдюков не выдержал и крикнул: „Довольно слушать вольных!" Решительный Матюшенко осадил кондуктора и заставил его замолчать. Но... было ясно, что он выразил то разложение, которое захватило уже девять десятых броненосца. И после этого разговор перешел совершенно на иную тему—о приемлемых для потемкинцев условиях сдачи их румынскому правительству. Прежде всего, члены Судовой Комиссии интересовались тем, можно ли полагаться на заявления румынских властей, что они, в случае высадки на берег, не будут выданы России. Тов. Раковский ответил на это, что в Румынии политические эмигранты вообще пользуются правом убежища, и что румынскому правительству при существующих условиях вряд ли есть какой-либо интерес выдавать царской России матросов. Но тут же прибавил, что вождей следовало бы, в случае высадки в Констанце, скорее перебросить за румынский рубеж.

Переговоры с румынскими властями были длительными. Следует заметить, что главную роль в депутации, имевшей сношение с румынскими властями на крейсере, играл Матюшенко. Вначале он скептически отнесся к уверениям генерала Ангелеску, что команда, сдав броненосец, не будет выдана России. Но генералу удалось в конце концов убедить Матюшенко, и только после этого депутация вернулась на броненосец, чтобы посоветоваться с товарищами.

В 1 час дня депутация снова отправилась на берег и сообщила румынским властям, что команда „Потемкина" решила сдаться, если ей будут даны гарантии, что никто не будет выдан России. Таково было решение значительного большинства Судовой Комиссии, против него высказалось лишь несколько человек, и первым из них Аф. Матюшенко, который настаивал на продолжении борьбы. С своей

стороны, команда „Потемкина“ усматривала гарантию в выдаче отдельных паспортов. На этот раз в переговорах принимал участие румынский министр — президент Кантакузен, заявивший, между прочим, депутации, что румынское правительство смотрит на матросов, как на иностранных дезертиров. Депутация снова отправилась на броненосец, но на сей раз сопровождаемая „дозором“, в лице румынских матросов, так как некоторые из команды „Потемкина“ бежали со шлюпки в город.

В 2 часа дня состоялась сдача „Потемкина“ — первого красного броненосца—румынским властям. Последние приняли судно и подняли на нем, на место спущенного андреевского флага, румынский флаг. Броненосец „Потемкин“ был введен в порт, румынские офицеры приняли инвентарь. Матросы броненосца одним из основных условий ликвидации восстания ставили, чтобы Румыния ни в коем случае не выдавала броненосца России, а сохранила бы его за собой. Но, конечно, это оказалось неисполнимым.

Когда переговоры закончились, „Потемкин“ подошел к пристани, чтобы экипажу удобнее было высадиться на берег. С „Потемкина“ сошли на берег около 700 матросов. Петемкинцы удостоились при этом овации со стороны либеральной публики конституционной Румынии: матросов, высаживающихся на берег, встречали приветствиями и криками „ура!“ — как настоящих героев. Наперерыв раскупались матросские георгиевские ленты (с фуражек), из которых либеральные мужчины и дамы мастерили себе галстухи. Тяжело было матросам, добровольным изгнанникам, расставаться со своим броненосцем. Многие из команды по нескольку раз оборачивались посмотреть на покидаемого ими черноморского красавца, снимали фуражки и отдавали последний поклон.

Однородное чувство испытывал, повидимому, и т. Раковский.

Власти, видимо, спешили удалить из порта мятежную силу, которая могла бы своим примером заразить румынских моряков. В Констанцу прибыл экстренний поезд, чтобы отправить матросов в разные дунайские порты, откуда они могли направиться куда хотели.

Вполне основательно не доверяя „честности“ королевского румынского правительства, т. Раковский, широко используя те связи, которые он имел с лучшими местными людьми, старался как можно скорее перебросить наиболее видных потемкинцев за пределы досягаемости. Группа ответственных товарищей—Матюшенко, Кирилл, Коваленко и некоторые другие с первым же поездом, после высадки

на берег, были отправлены подальше от Констанцы. И на это имелись основания: в Констанце, как только стало известно о прибытии броненосца, начали показываться подозрительные фигуры русских шпиков, приехавших из Бухареста.

Большим вопросом было—разместить матросскую массу (до 700 человек) по различным городам Румынии, найдя для них работу;—на пособие из судовых денег, разделенных поровну между командой, прожить можно было недолго; при этом желательно было еще сохранить связь между матросами-потемкинцами и заняться с ними политграмотой, ибо, по словам т. Раковского, „вся эта масса отличалась политической неграмотностью". С этой целью был тотчас же создан комитет, в который вошли представители различных организаций; положено было также начало особого фонда „помощи потемкинцам". Часть матросов размещена была в Тульче, где рассчитывали на содействие имеющегося там русско-сектантского населения, другие поступили на заводы в различных городах Румынии, третья часть отправилась на полевые работы. Потемкинцы направились в Браилов, Капорат, Уржево, Земницу, Магуренье, Калапаш и Тур-Северин. Кирилл, Матюшенко и механик Коваленко выехали в Бухарест [1]). Профектам было предписано, по возможности, облегчать всем доступ к границе.

Матросы-революционеры, однако, скоро стали неприятными гостями для румынского правительства: года полтора спустя (март 1907 г.) в Румынии вспыхнул пожар всеобщего крестьянского восстания, и это послужило поводом для властей воздвигнуть гонения на потемкинцев. Румынское правительство обвиняло их в том, что они, под руководством т. Раковского, организовали крестьянское восстание. Результатом этого похода против потемкинцев было то, что они должны были покинуть „гостеприимную" Румынию и рассеяться по свету, вплоть до Канады. Тов. Раковский прав, добавляя с своей стороны, что восстание крестьян было только предлогом для румынского правительства, чтобы избавиться от потемкинцев: они находились, главным образом, в городах и к крестьянскому восстанию не были причастны. В заключение т. Раковский говорит, что рассказы о революционной борьбе в России, описания, данные в самой бур-

---

[1]) Следует добавить к этому, что с течением времени в Румынии осталась сравнительно небольшая часть потемкинцев: большинство из них направилось в Южную и Сев. Америку, в Англию, Канаду и Швейцарию. Многие из участников восстания, исполнявшие на „Потемкине" различные технические обязанности, получили за границей работу по своей специальности на фабриках и заводах.

жуазной прессе о революционных подвигах русских рабочих, крестьян, матросов и солдат, и подробное описание всей эпопеи „Потемкина“, которому румынская пресса месяцами посвящала столбцы своих газет, несомненно, оказали свое влияние на психологию даже забитого, несчастного румынского крестьянина. То были первые всходы посева потемкинцев на чужеземной почве.

Одновременно с „эвакуацией“ матросов-мятежников румынским правительством была отправлена в Петербург нота с описанием всего, что произошло в Констанце. В то же время министр иностранных дел Румынии сообщил министру иностранных дел царской России графу Ламсдорфу, что, по приказу короля Карла, броненосец „Кн. Потемкин-Таврический“ предоставляется в распоряжение русского правительства. В течение целого дня между румынским правительством и петербургским „кабинетом“ происходил оживленный обмен телеграммами, при чем последний не скупился на любезности. Еще после первого появления „Потемкина“ в Констанце русское правительство выразило благодарность румынскому кабинету за его образ действий по отношению к броненосцу. Нет сомнения, что в этой „дружественной ноте“ заключалось одобрение пред'явленных Румынией к мятежникам-матросам требований, исключающих, однако, выдачу их русскому правительству, о чем последнее сначала усердно просило. Так как Румыния теперь повторила прежние требования, то можно было предугадать, что царская Россия не станет требовать выдачи потемкинцев. Немалую услугу ей оказало румынское правительство уже тем, что обезлюдило революционный корабль-скиталец, заставивший трепетать „сильных мира сего“, и обезвредило его. Это не помешало верным царским слугам мечтать о расправе с ушедшими за предел досягаемости „бунтовщиками“. Характерно заявление одного русского дипломата, передавшего представителю иностранной печати, что „в настоящее время не может быть разговоров о выдаче матросов, но если некоторые из них направятся в государства, с которыми Россия имеет договор о выдаче политических преступников, то, разумеется, петербургский кабинет не замедлит сделать дипломатические шаги, чтобы предать матросов русскому суду“.

Утром 28 июня в Констанцу прибыла русская эскадра под контр-адмиральским флагом в составе 2 броненосцев, контр-миноноски и 4 миноносцев. Командующий румынским флотом Козлинский при свидании с русским адмиралом, об'явившим, что розыскивает броненосец „Кн. Потемкин-Таврический“, передал ему известную уже историю

двукратного приезда „Потемкина“ в порт Констанцы и разоружения его. К этому он добавил, что король Карл повелел передать „Петемкина“ русскому правительству.

Как только русская эскадра пришла в Констанцу, прибывшему с ней адмиралу сдались все кондуктора, 36 человек команды, бывший командир Алексеев и прапорщик Калюжный. Миноносец № 267 еще раньше отправился со своей командой в Севастополь, где сдался начальству и принес повинную, несмотря на увещания матросов, решившихся эмигрировать.

30 июня в 11 часов вечера броненосец „Кн. Потемкин-Таврический“, под конвоем миноносца „Чесма“, прибыл на буксире предателя „Георгия Победоносца“ в Севастополь и стал на внешнем рейде, а на другое утро „Потемкин“ на буксире, при помощи 2-х портовых судов, был введен в южную бухту.

Сдавшиеся на милость начальства 68 человек были арестованы и преданы суду. Если исключить кондукторов, все время остававшихся верными начальству, то на долю царского правосудия осталось всего 36 матросов, засвидетельствовавших покаянной свое малодушие. 700 же потемкинцев с вожаками восстания были за пределами досягаемости.

XVII. Следствие, суд и приговор.

Имеющийся в деле Севастопольского Военно-Морского суда следственный материал дает хорошую характеристику обвиняемых, добровольно отдавшихся на милость начальства.

Предстали перед судом всего 69 человек, из которых рядовых матросов лишь 36 человек, трое начальствующих (командир Алексеев, прап. Калюжный и д-р Галенко), остальные же 30 человек—кондуктора („шкуры“), усердно сеявшие предательство и смуту в команде и только о том и думавшие, как бы сорвать восстание и возвратиться под эгиду начальства. Таким образом, из всей матросской команды (ее было около 800 человек) лишь ничтожная группа в 36 человек, в их числе команда миноносца № 267, очевидно, наиболее малодушных, трусливых и наименее сознательных, возвратилась, чтобы отдаться царскому правосудию. Добавим еще, что в числе возвратившихся было еще немало профессиональных шпионов, известных на броненосце под названием „патриотов“ и, конечно, поощряемых начальством.

Характерными для этой группы „бывших потемкинцев“ являются встречающиеся в „деле“ прошения о помиловании

с уверениями о полной неприкосновенности к восстанию. Таких прошений в деле имеется, впрочем, очень немного— всего 6, не считая пространного прошения младшего врача броненосца Галенко.

В деле нет точных данных, позволяющих установить степень правдивости подавших прошения; возможно, что эти 6 матросов и не принимали активного участия в восстании и, будучи захвачены шквалом, ограничились тем, что, как свидетельствует акт, „добровольно оставались на миноносце № 267 и исполняли... все нужные для мятежников поручения". Во всяком случае оправдательные заявления их, изготовленные по одному образцу, не отличаются убедительностью.

Совершенно иной характер носит прошение обвиняемого-интеллигента — младшего врача Галенко, пытающегося ссылкой на ряд свидетелей доказать не только свою полную невинность, но и чистоту тех намерений, с которыми он остался на взбунтовавшемся броненосце. По данным обвинительного акта, д-р Галенко участвовал в совещаниях избранного „мятежниками" комитета, произносил зажигательные речи... и предлагал бомбардировать Одессу, протестовал против измены общему делу „Георгия Победоносца", требуя бросить за борт боцмана и т. д. Из прошения же Галенко явствует, что если он и остался на „Потемкине", то единственно с целью „успокоения" и „умиротворения" команды и скорейшей ликвидации восстания. Однако, совершенно очистить себя в глазах оберегающих „незыблемый строй" врачу Галенко не удалось. Об этом свидетельствует поступивший в Военно-Морской суд уже в марте 1909 г. от департамента полиции запрос насчет „лекаря Алексея Галенко", принятого на должность участкового врача Юго-Восточных железных дорог. Жандармы дознались, что Галенко служил врачем на „Потемкине", исключен Военно-Морским судом из военной службы, „как уличавшийся в подстрекательстве и более тяжком преступлении", и хотя Галенко „виновным себя в этом не признает", департамент полиции просит суд выслать ему „подробные данные", касающиеся виновности Галенко.

Суд, в составе председателя — генерал-лейтенанта Андреева и 4 морских капитанов, открыл свои заседания 25-го января 1906 г. и закончился 4-го февраля — в этот день был вынесен приговор.

Среди обвиняемых оказались пострадавшие от перестрелки в дни восстания и находившиеся в госпитале; двое

из них были настолько тяжело ранены, что, по заключению медицинского инспектора, могут в суде „лишь лежать или сидеть в койке“, в виду чего в зале суда на время заседания пришлось поставить две койки, на которых и помещались подсудимые (Хоценко и Голубев).

Из документов, рисующих судебную процедуру, предшествующую приговору, обращает на себя внимание пространный (12 страниц) „вопросный лист“ по делу о бунте на эскадренном броненосце „Кн. Потемкин-Таврический“. Прочитывая вопросные пункты о виновности каждого из подсудимых и ответы суда на них, убеждаемся в явной тенденции судей представить восстание на „Потемкине“ актом насильственного принуждения со стороны кучки „злоумышленников“, успевших эмигрировать и на суде не фигурировавших. Глава „ответов“ пестрит таким фразами: „да, виновен, но под угрозой смерти“, на совещаниях комитета мятежников „присутствовал под той же угрозой“, „да, виновен, но действовал по принуждению“, „под страхом смерти“ и т. под. Это постоянное примечание значится и в ответе о виновности прапорщика Алексеева, взявшего на себя командование броненосцем: „да, принял командование, но под угрозой смерти“, и повторяется трафаретно до конца. В двух—трех случаях суд еще считает необходимым дополнить ответ о виновности след. образом: „да виновен, но не имел цели ниспровержения государственного управления“, как бы желая этим указать, что восстание имело „местный характер“ и не было стихийной вспышкой против существовавшего „порядка управления“ Россией.

Суд по отношению ко многим из подсудимых нашел „обстоятельства, уменьшающие вину“:—краткость службы и, это главное, „продолжительность подследственного ареста“ (с 5 июля 1905 г. по 25 января 1906 г.), но, тем не менее, первоначальный приговор Военно-Морского суда нес с собой 3 смертных казни через повешение, остальным—каторжные работы от 20 до 7 лет, годы арестантских отделений и т. д.

По применении „амнистии“, судом „за мятеж с целью ниспровержения существующего в России государственного строя“ приговорены: матросы Александр Зауложнов, Федор Луцаев и минный машинист Тихон Мартьянов—к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы на 15 лет каждый. Матрос Сергей Гузь, комендор Иван Задорожный, машинист Феодосий Кашугин—к исключению из службы, лишению воинского звания, всех прав состояния и ссылке в каторжные работы: Гузь на

10 лет, Кашугин на 6 лет и Задорожный на 3 года 6 месяцев. Матросы — Е. Горбачев, П. Фатин, Ф. Неупокоев, И. Гусельников, боцман Е. Журавлев, квартирмейстеры Ф. Коровянский, П. Волгин, машинисты Е. Мухин, комендор И. Киселев, гальванер Е. Мищенко, матросы А. Трубников, И. Сланев, И. Батьев, П. Костюков, Е. Белогрудов, Е. Переверзев, К. Дмитриев, А. Телепнев, Г. Хвостов, М. Угловой, И. Стрекалов, Д. Демидов, А. Друзин, П. Носов, Н. Козаков, П. Третьяков, А. Мураха, А. Озеров, машинисты П. Ларионов, С. Горькавый и санитар Н. Корнилов — исключению из службы с лишением воинского звания, всех прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения гражданского ведомства: Коровянский — на 1 год 2 месяца, Горбачев, Фатин, Неупокоев, Гусельников, Журавлев, Волгин, Мухин, и Демидов — на 1 год каждый, остальные (22 чел.) — на 6 месяцев каждый, а по отбытии ими этого наказания, отдаче под особый надзор полиции, на 4 года каждого; писарь Иван Сапрыкин — разжалованию в матросы с переводом в разряд штрафованных и заключению в военно-исправительную плавучую тюрьму морского ведомства в Севастополе — на $1^1/_2$ месяца. Лекарь А. Галенко и старший боцман Филипп Мурзак — исключению из службы с лишением чинов. Прапорщик Дм. Алексеев, командовавший мятежным бр-цем — исключению из службы без лишения чинов и подпоручик корпуса инж.-механиков П. Калюжный — увольнению от службы в дисциплинарном порядке. Остальные подсудимые, в числе 25, судом оправданы. Освобожден также от наказания матрос Хоценко, приговоренный первоначально судом к 6 месяцам арестантского отделения, в виду того, что „матрос Хоценко получил увечье, лишившись ног, без всякой вины".

Приговор Военно-Морского суда был утвержден вице-адмиралом Чухниным, и в деле сохранился оригинал приговора с соответствующей надписью на нем и факсимиле свирепого палача-адмирала Чухнина, получившего 11 июля 1906 года в Севастополе заслуженную им смертную казнь от руки бывшего матроса Акимова [1]).

Добавим еще характерный штрих приговора: из текста его явствует, что „судебные по делу издержки" надлежит „возложить на осужденных поровну, с круговой друг за друга порукой". Но, повидимому, взыскать с крестьян и рабочих, одетых в матросскую форму, оказалось невоз-

---

[1]) Подробности о покушении на Чухнина см. в книге Камшицкого „1905 г. в Севастополе", изд. 1925 г. *Ред.*

можным, и из переписки, имеющейся в деле, мы видим, что по „всеподданнейшему докладу“ главного командира Черноморского флота Николай II „соизволил“ принять за счет казны убыток, происшедший „от истребления и повреждения судовых вещей и от похищения наличных денег судовых касс“, в количестве 92.169 руб. 46¼ копеек. Характерной является здесь эта удивительная, должен-

Аф. Матюшенко.

ствующая свидетельствовать о бережливости „казенной копейки“, точность исчисления причиненного казне убытка до ¼ копейки, на ряду с теми колоссальными хищениями во флоте, выражавшимися многими сотнями тысяч, которые попадали в карманы „августейшего вице-адмирала“ вел. кн. Алексея Александровича, осыпавшего бриллиантами свою фаворитку-артистку, и деливших с ним „безгрешные доходы“ командиров Российского флота.

XVIII. Виднейшие участники Потемкинского восстания.

1. Афанасий Матюшенко.

Мы знаем, что восстанние на „Потемкине-Таврическом“ носило характер стихийности, не было подготовлено, нарушало общий план, и потому о заранее намеченных „вождях восстания“ говорить не приходится.

Но „война рождает героев“, и таким для восставшего броненосца явился выделившийся из матросской массы минно-машинный квартирмейстер Афанасий Матюшенко, по происхождению крестьянин села Дергача, Харьковского уезда, Харьковской губ. С первого момента вооруженного восстания на „Потемкине“, он стал душой его, всюду являлся „застрельщиком“, спасал положение в критическую минуту и был ближе к „своим“—к матросской массе, чем самые авторитетные и деятельные члены Судовой Комиссии—делегаты соц.-демократической партии (Кирилл и Фельдман). До последней минуты корабля-скитальца горел Матюшенко революционным огнем, призывая товарищей (даже накануне сдачи „Потемкина“ румынскому правительству) бороться до конца, и мужественной смертью в стане врагов расплатился он за свой подвиг. Недаром военмор Гамзин говорит о Матюшенко, как о „славном герое“ [1]).

Все данные, рисующие картину восстания на „Потемкине“ у Тендра, говорят об исключительной роли Матюшенко в этот момент. Это он бросает команде зажигательный призыв — „не стрелять в своих и разбирать винтовки“; он расстреливает впереди других командира броненосца Голикова, затем приказывает стрелять по направлявшемуся миноносцу № 267, на который спасались некоторые офицеры в Севастополь.

На протяжении всех 11 дней революционного „Потемкина“ всюду выделяется деятельная, решительная фигура Матюшенко, всюду раздается его незатейливая, но пламенная речь, пристыжающая малодушных, призывающая к единству, ободряющая массу. Зарождается раскол по вопросу о том, бомбардировать ли Одессу, — Матюшенко обращается к команде „Потемкина“ с горячей речью, и колебание парализуется. „Умрем все за одно дело!“ — гремит команда.

---

[1]) Считаем нужным привести в подлинности эти строки. Вспоминая о казни Матюшенко, военмор Гамзин говорит: „С того времени прошло 14 с лишком лет... Я надеюсь, что история не забудет поместить на первых страницах своего издания о славном герое Матюшенко“.

Узнают на „Потемкине“ о смуте на только что присоединившемся „Георгии Победоносце“ — Матюшенко, вместе с Кириллом, спешит на броненосец и с воодушевлением призывает всех бороться с самодержавием. Матюшенко на ответственном посту, на боевой позиции. В Феодосии он с другими матросами едет на миноносце в порт, реквизирует под выстрелами солдат уголь для „Потемкина“. И в грустном финале эпопеи „Потемкина“, при втором приезде в Констанцу, Матюшенко не изменяет себе: он играет главную роль при переговорах с румынским правительством о высадке матросов на берег. Не забудем и того, что при решении командой „Потемкина“ вопроса — сдавать ли броненосец румынским властям или нет—Матюшенко, во главе с небольшой группой товарищей, стоял за продолжение борьбы... Такими чертами, чертами твердого, горячего, не знающего сомнений революционера-самородка, вырисовывается перед нами фигура Матюшенко.

Не следует все же забывать, что он не был вождем, далеко опережающим массу, решительно побеждающим ее традиции и колебания. Сам дитя массы, он, хотя шел впереди ее, но был пропитан ее психологией, отражал ее недостатки и, как барометр, был показателем быстро сменяющихся настроений матросской массы. Вот почему, храбрый и неустрашимый, когда толпа чувствовала свою силу, он, вслед за ней, терялся и впадал в панику в минуты поражений и крупных неудач. „Но,—говорит дающий его характеристику Фельдман,—он наделен был чутьем и угадывал не только господствующее настроение массы, но и то, что назревало в ней, и действовал согласно с этим...“ И часто вел за собой массу.

Тот же участник восстания так рисует внешность Матюшенко: „Небольшого роста, он своими резкими, энергичными чертами лица, выдающимися скулами и маленькими глазами производил впечатление вылитой бронзовой статуи“.

Матюшенко, говорит Фельдман, не был сознательным соц.-демократом, хотя всегда называл себя таковым. Все знакомство его с программой партии и соц.-демократической литературой не простиралось дальше нескольких прокламаций и брошюр. „Но природа наделила его мыслью, революционностью и необычайной смелостью“ [1]).

Переселившись после ликвидации Потемкинского восстания за границу, Матюшенко не падает духом, не бросает

[1]) В сборнике по истории анархического движения в России, т. I. 1909 г., есть статья анархиста Хотькевича, под заглавием „Памяти Афанасия Матюшенко“, в которой говорится, что Матюшенко за границей перешел от с.-д. к анархистам.

всецело овладевшей им идеи борьбы с засилием власти и капитала, где бы оно ни проявлялось. И всюду ведет он революционную пропаганду, выделяясь как заметный агитатор и среди зарубежного пролетариата. Эта яркая революционность Матюшенко, конечно, обращает на себя внимание международных филеров, и ему приходится волей-неволей порой переменять местожительство. Но и независимо от этого Матюшенко, неудовлетворенный исходом восстания на „Потемкине-Таврическом“, не находит, видимо, нигде успокоения своему мятежному духу, пережившему минуты высокого под'ема в памятные 11 дней; он не может осесть на месте и переезжает из одной страны в другую. — И в этих скитаниях, всюду, где бы ни был Матюшенко, его не оставляет мысль—вернуться в Россию и совершить все, что в его силах, для дела революции. Из Румынии он вскоре переезжает в Америку, устраивается на одном из заводов Нью-Йорка и здесь встречается с бежавшим также за границу военмором т. Дудиным, с которым нередко ведет разговоры на революционные темы.

Тов. Дудин, с которым лично беседовал пишущий эти строки, передавал свои впечатления от общения с Матюшенко в таких словах: „Это был такой твердый в своих убеждениях человек. Но, поглощенный своей идеей, забывал всякую осторожность и совершенно не думал о себе. Все время занимался он революционной пропагандой и не считался с последствиями. Избрав для своих посещений небольшой клуб, с весьма пестрым составом посетителей — туда заходили все,—Матюшенко вел там самые горячие дискусии на революционные темы. Говорил он просто, но горячо и убедительно. В каждом слове чувствовалась непоколебимая вера в победу. Я, — добавляет Дудин, советовал Матюшенко быть осторожнее и не так уже широко открывать карты: ведь его легко могли проследить филеры, и даже, придравшись к чему-либо, арестовать как уголовного преступника. Свободно могли заграничные агенты тайной полиции проследить Матюшенко в случае переезда его в Россию и „сдать“ его шпионам русского правительства“.

Но т. Матюшенко не внимал этим увещаниям. По всему видно было, что он за границей чувствовал себя гостем и всей душой стремился в Россию. Побыв некоторое время в Америке, Матюшенко поступает на один английский грузовой пароход, на нем переезжает в Англию и временно поселяется в Лондоне. Отсюда Матюшенко направляется в Париж, но из Франции вскоре вынужден бежать в Швейцарию, так как его преследует парижская полиция за революционную агитацию.

В Женеве Матюшенко встречается с хорошо знакомым ему моряком — эмигрантом Карнауховым, и они, „как старые друзья по несчастью“, часто беседуют, вспоминая „минувшие дни“. И в этих дружеских беседах Матюшенко, после неудачи с „Потемкиным“ особенно склонный, видимо, к терроризму, делится с Карнауховым своей затаенной мыслью — вернуться в Россию, в родной Севастополь, и совершить террористические акты над намеченными им людьми, сподвижниками свирепого адмирала Чухнина, расстреливавшими моряков-революционеров.

Как свидетельствуют военмор Гамзин и его товарищи, Матюшенко, приехав в Россию, в 1907 г. избрал временным местопребыванием гор. Николаев, и здесь, в столовой, был арестован по доносу одного старшего судового механика (фамилия предателя неизвестна) и отправлен в Бухтеевскую тюрьму. Отсюда Матюшенко, дни которого с этого момента были уже сочтены, отправлен на миноносце „Строгий“ в Севастополь и посажен под строгим караулом в каземат. Состоялся суд, являвшийся, конечно, гнусной комедией и вынесший приговор — „смертная казнь через повешение.“

Показателем того, какую ненависть питали к „вожаку“ Потемкинского восстания обрадованные его поимкой царские палачи, служит то, что они не задумались нарушить последовавший за манифестом 17 октября 1905 г. „Высочайший указ“, в силу которого всем „государственным преступникам“, совершившим преступные действия до 17 октября 1905 г., смертная казнь, хотя бы они и были присуждены к ней, заменяется 15-летней каторгой.

Либеральная газета „Русь“, опубликовав телеграмму о смертной казни Матюшенко, выразила удивление по поводу того, что контр-адмирал Вирен не счел себя обязанным исполнить „Высочайший указ“ („Восстание на броненосце «Потемкин-Таврический»“, стр. 330—336). Но это нисколько не смутило царских слуг, и Вирен не замедлил „отписаться“ на запрос из министерства внутренних дел, об‘яснив, что Матюшенко надлежало подвергнуть смертной казни „по совокупности всех совершенных подсудимым преступлений“, в том числе и совершенного после 17 октября, во время пребывания за границей. Добавим кстати, что это преступление заключалось в отправке Матюшенко из Бухареста морскому офицеру „каррикатуры лубочного производства“ на Николая II с письмом, оскорбительным для офицера.

Казнь Матюшенко происходила 20 октября 1907 года во дворе арестного дома флотского экипажа.

Казнь назначена была ранним утром. Еще не рассветало... Тюремный двор слабо освещал электрический фонарь. В конце двора маячила виселица. Палач, широкоплечий, коренастый, в черной маске, ходил громадной тенью. Преступника не приводили, а офицеры заинтересовались палачом, окружили и стали его расспрашивать...

Вывели из каземата Афанасия Матюшенко. Держался он... „удивительно спокойно. Приговор ему читали долго, больше часу. Перечисляли все его преступления чуть ли не против всех статей уголовного и военного кодексов. А он стоит и не дрожит... Кончили читать. Подошел священник. Он его слегка отстранил рукой и пошел твердо и легко к виселице, так что палач еле поспевал. Потом было видно, как большая тень от повешенного качнулась на стене“ [1]:

Необходимо напомнить одно, довершающее картину казни, обстоятельство, отмеченное в сообщении военмора Гамзина: при казни присутствовал вице-адмирал Вирен, который сам выбил скамью из-под ног Матюшенко...

Рано утром после казни, когда движение в городе еще не начиналось, тело Матюшенко завернули в грязные тряпки и вывезли „под усиленным конвоем“ (даже и здесь!) на плац, где Брестский полк об'езжал лошадей, и там закопали труп борца-революционера. „Точно определить (найти?) место могилы не представляется возможным“,—говорит нам упоминаемое выше сообщение т. Гамзина, ссылающегося на давность времени. Но не в этом главная причина: с понятными умыслами для „похорон“ Матюшенко был избран громадный плац, где полк об'езжал ежедневно лошадей — надо было сравнять с землей могилу мятежника так, чтобы не оставалось следа. И это удалось.

Но не удалось всем палачам царской России затоптать следы первого восстания Черноморского флота, виднейшим участником которого был матрос красного „Потемкина“, Афанасий Матюшенко. И сбылось задушевное желание военморов-черноморцев, современников Матюшенко, чтобы имя его было занесено на страницах истории Российской Революции.

2. Дорофей Кошуба.

Воспоминания Фельдмана и Кирилла выявляют другую крупную фигуру пламенного борца-агитатора Дорофея Кошу́ба, крестьянина Харьковской губ., также как и Матюшенко, казненного царскими холопами.

---

[1]) „Воспоминания“ В. А. Поссе. Изд. „Мысль“, Петроград 1923.

Кошуба появился на „Потемкине“ после измены „Георгия Победоносца“, к команде которого он принадлежал. В момент предательского маневра „Георгия“ Дорофей Кошуба успел вместе с депутатами-потемкинцами покинуть броненосец и переехать на „Потемкина“. И только что вступив на борт революционного броненосца, Кошуба, горя негодованием против товарищей-изменников, обратился к потемкинцам с пламенным призывом тотчас же расстрелять „Георгия Победоносца“. Эта страстная, могучая речь матроса служит лучшей его характеристикой. „У нас, товарищи, позорная измена, — говорит Кошуба. — Берите ружья, заряжайте пушки!“ И, указывая на Одессу, продолжает: „Тысячи глаз, миллионы глаз глядят на наш стыд и позор. Ведь там весь рабочий народ... Ведь они умоляют нас освободить их от тяжелой неволи, они протягивают миллионы рук, прося у нас защиты от кровожадных драконов. Ведь их счастье, их лучшая жизнь и наша собственная свобода теперь в нашей власти. Так неужто мы все еще будем колебаться? Нет! Смерть всем тиранам, месть всем народным изменникам! Смерть «Победоносцу!»“—„Кошуба начал задыхаться от волнения“,—прибавляет передающий его речь Кирилл. Видимо, этот „маленький, тщедушный, с некрасивыми и неправильными чертами лица“ 26-летний матрос-крестьянин до глубины души переживал то, что говорил, с чем обращался к товарищам-морякам. Неустрашимый, до самозабвения доходящий, герой-борец соединялся в нем с неутомимым, не знающим страха и преград вдохновенным агитатором. Сегодня он, заражая своим энтузиазмом других, развивает перед потемкинцами безумно-смелый план захвата Севастополя с помощью сотни самоотверженных матросов, которые, набив рубашки патронами, ночью войдут в город, пройдут в крепость, арестуют офицеров и провозгласят восстание. А завтра, прибыв в Феодосию, он спешит претворить слово в дело — первым из первых идет в огонь борьбы, на захват силой судна с углем. И здесь он впереди всех, неутомимо работая над поднятием якоря и не теряясь под выстрелами из-за засады.

Ему не дают добраться до броненосца и арестуют. Но ни арест, ни этап со строгим конвоем, ни перспектива неминуемой смертной казни — ничто не в силах победить Кошубу и заставить молчать борца-агитатора. Арестованный в Феодосийском порту, выхваченный перед этим из воды, едва очнувшийся Кошуба, не смущаясь присутствием офицеров, обращается к солдатам с горячей речью — упреком за стрельбу по матросам. Пропагандирует конвойных в вагоне по пути в Севастополь; там, привезенный в экипаж,

окруженный матросами и офицерами, призывает первых итти по стопам потемкинцев и предать смерти всех офицеров. Даже на „Пруте“, за толстыми решетками этой промозглой плавучей тюрьмы, не смолкает его могучий голос: он ободряет упавших духом, горячо убеждает не выдавать товарищей матросов и мужественно встретить ожидаемую казнь. Сам он, расстрелянный в Севастополе, без страха взглянул в глаза смерти. Имя его должно быть дорогим для Красного рабоче-крестьянского флота.

3. Кирилл и Фельдман.

Нам остается назвать делегатов Р.С.-Д.Р.П. на „Потемкине“, Кирилла и Фельдмана, энергично и неустанно работавших в Судовой Комиссии, не раз выступавших перед матросской массой в роли агитаторов и всегда оказывавшихся на боевых позициях.

Желающих подробнее ознакомиться с их деятельностью на „Потемкине“ мы отсылаем к воспоминаниям Коваленко „11 дней на «Потемкине»“, Кирилла (под тем же заглавием) и Фельдмана.

Последний, как мы знаем, был арестован в Феодосии, при попытке завладеть в порту углем, вслед затем отправлен в Севастополь и заключен в тюрьму, откуда при содействии стражи бежал за границу [1]).

Кирилл оставался на броненосце до сдачи его румынским властям.

Приводим краткую характеристику Кирилла из книги „Восстание на броненосце «Потемкин - Таврический»“: „Большого роста, с крупными чертами лица, с окладистой

---

[1]) В дни февральской революции выяснился, к сожалению, печальный финал политической карьеры К. Фельдмана. В июле 1917 г. Фельдман явился вместе с известным Боткиным в Гельсингфорс — место стоянки Балтфлота, в числе делегатов Черноморского флота, с целью подорвать влияние большевиков. Делегация, в которой К. Фельдман играл выдающуюся роль, с большой помпой об'езжала корабли Балтфлота, стараясь своей агитацией подорвать престиж большевиков. Особенно „яростно“ нападал на большевиков Фельдман, именуя себя участником восстания на „Потемкине“. Перед этим (в конце мая) Фельдман поместил в газете „День“ несколько статей, заключающих в себе ряд грубых выходок против работников партии и „большевиствующих“ матросов. Все это вызвало бурный протест моряков Балтфлота. В финале — печатное заявление черноморской делегации, уведомляющей матросов, что, хотя Фельдман и был принят в число членов делегации, по приезде из Франции, но делегация не уполномачивала его помещать статьи в „Дне“. В заключение — об'яснение выпадов Фельдмана против большевиков „личными особенностями г. Фельдмана“, которому делегация запретит впредь выступать от ее имени. — (См. „Гельсингфорс весной и летом 1917 г.“ „Пролетарская Революция“, № 5/17, 1923 г.).

русой бородой, Кирилл имел вид типичного русского мужика-великороса и всегда импонировал своим видом пришлым рабочим-серякам.“ — „Это уж настоящий-то наш заправский мужик, его послушать, братцы, надо“, говорили всегда при его появлении те рабочие, которые не хотели раньше слушать социал-демократических ораторов. И „заправский“ мужик могучим голосом начинал свою речь и развивал перед слушателями „заправскую“ социал-демократическую программу“.

На „Потемкине“ Кириллу, равно как и Фельдману, пришлось во всей широте проявлять свои ораторские способности, обращаясь к команде в критические минуты с сильными агитационными речами и борясь словом с изменчивым „настроением“ матросской массы. Приходилось выступать во время скитаний „Потемкина“ с речами и на берегу (в Феодосии, например). — В итоге такой напряженной работы порой являлась временная потеря голоса.

Нельзя не отметить того тяжелого, трагического положения, которое выпало на долю Кирилла и Фельдмана на „Потемкине“ после измены „Победоносца“, когда растерявшиеся, об'ятые паникой матросы, решившиеся бежать к чужим берегам, оказались в резко враждебной позиции к ним, уговаривавшим команду не отступать и продолжать борьбу. В ответ на это были угрозы высадить на берег, выбросить за борт, упреки в измене...

Какую душевную трагедию переживали в эту минуту Кирилл и Фельдман, мы видим из признания последнего („Восстание на «Потемкине-Таврическом»“): „Мысль моя беспомощно и трепетно билась. Сдаться без боя в то время, когда мы были в полной боевой готовности, обладали гигантской силой, в то время, когда вся Россия ждала нашего слова, казалось страшным, невыносимым позором, пережить который невозможно... Я подошел к Кириллу, его глаза выражали тот же ужас“.

Не раз, надо думать, чувствовали оба они, оторванные от товарищей по партии, свое одиночество, порой — бессилие. Но до конца оставались на вверенном им посту, делали все, что могли в данных условиях, и не выпускали из рук боевое знамя Р.С.-Д.Р.П.

XIX. Ленин и Потемкинское восстание.

Мы считали бы нашу работу неполной и лишенной самого яркого освещения Потемкинского восстания, если бы не привели, как драгоценного послесловия, отзыва о первом

вооруженном восстании флота вождя русской революции, т. Ленина. Восстанию на „Потемкине - Таврическом", в связи с одесской забастовкой, т. Ленин посвятил ряд статей, выявляющих значение „11-ти дней" „Потемкина" не только в рамках русской революции, но и в мировом масштабе.

Но прежде чем обратиться к этим замечательным статьям, следует привести мало известную большинству страничку многогранной, кипучей, революционной деятельности Ленина, которая рисует его попытку из-за границы наилучшим образом использовать восстание на „Потемкине" и, насколько возможно, руководить им. Тов. Ленин чутко прислушивается к бурному брожению и вспышкам революционных сил в России, и весть о восстании „Потемкина", достигшая лишь через несколько дней Женевы, где в это время жил и работал т. Ленин, вызвала с его стороны решение немедленно командировать надежного, партийного работника на юг России с целью руководства именем ЦК партии восстанием и максимального использования его.

Таким делегатом был назначен из среды эмигрантов соц.-дем. М. Васильев-Южин [1]). Ленин спешил отправить т. Васильева-Южина на место действия и, стараясь ускорить его от'езд, сам пришел к нему. Сообщив т. Васильеву-Южину о постановлении ЦК, согласно которого он должен немедленно выехать в Одессу, чтобы взять на себя руководство восстанием, Владимир Ильич дает т. Васильеву-Южину подробную инструкцию — в каком направлении он должен действовать. Он выражает опасения (и мы знаем теперь, вполне основательные), что одесские партийные работники не сумеют, как надлежит, использовать восстание на „Потемкине", и рекомендует самые решительные меры; прежде всего В. И. считает необходимым, чтобы с „Потемкина" был немедленно высажен десант. (Разрядка наша. *Ан. Г.*). Надо, внушает Вл. Ильич т. Васильеву-Южину, во что бы то ни стало попасть на броненосец и звать матросов к решительным действиям, не останавливаясь перед бомбардировкой правительственных учреждений Одессы. Следует захватить город, вооружить рабочих сейчас же, поднять боевую агитацию среди крестьян на почве захвата помещичьих земель и об'единить их в общем наступлении с рабочими и матросами. — Мы видим, что это было как раз то, что диктовалось развивающимися на месте событиями и что не было, за отсутствием гения-вождя, сделано партийной организацией.

---

[1]) Приводимые далее фактические данные берем из ст. т. Васильева Южина, „Восстание на бр-це «Потемкин» и тов. Ленин", помещенной в № 2 „Молодой Гвардии" за 1924 г.

Нельзя не отметить „приказа“ Владимира Ильича — уделить возможно больше внимания крестьянам. „Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе,—говорит он,—инструктируя т. Васильева-Южина, я придаю огромное, исключительное значение“. И здесь запечатлелась мысль В. И. о революционной „смычке“ рабочих и крестьян.

Передавая дальнейшую беседу с товарищем Лениным, т. Васильев-Южин отмечает, что „Ильич волновался и увлекался“, как никогда, и его планы развития восстания на „Потемкине“ поражали т. Васильева своей широтой. Тов. Ленин настаивал на необходимости принять все меры для того, чтобы захватить в свои руки остальной флот, и высказывал уверенность, что большинство судов примкнет к восставшему „Потемкину“ — стоит только действовать решительно и смело. В случае присоединения эскадры к „Потемкину“ т. Ленин требовал немедленно послать за ним миноносец: он выедет в Румынию и оттуда морем в Россию. „Вы серьезно считаете это (т.-е. присоединение эскадры) возможным, Владимир Ильич?“ — спросил его т. Васильев-Южин. — „Разумеется, считаю совершенно возможным. Нужно только действовать решительно и быстро“—был ответ.

Вполне солидарный с мнением В. И., что нужно действовать решительно и быстро, т. Васильев-Южин решил всемерно использовать восстание „Потемкина“ и, если бы не удалось овладеть Одессой, направиться с революционным броненосцем к Кавказским берегам, в район Батума, гарнизон которого был хорошо распропагандирован социал-демократами, и где рабочие проявили уже себя борьбой с самодержавием, а крестьяне-грузины представляли собой горючий революционный материал и шли за соц.-д-ми. Этот район казался наиболее прочной базой для революционных действий.

Перед отъездом т. Васильева-Южина В. И. еще раз говорил с ним и снова настаивал на том, чтобы там, на юге, постарались заручиться поддержкой крестьян.

Тов. Васильев-Южин благополучно перебрался через Австрию в Россию, но, к сожалению, приехал в Одессу поздно, когда „Потемкин“, поколебленный изменой „Победоносца“, уже ушел из Одессы, направляясь в Румынию. Тов. Васильеву-Южину, связавшемуся с заграницей тотчас же по приезде в Одессу, оставалось известить В. И. о невозможности выполнить возложенную на него миссию.

Из статьи тов. Ем. Ярославского в „Правде“ [1]) мы узнаем, что, одновременно с созданием базы революционного

---

[1]) Ем. Ярославский. — „Ленин — организатор вооруженных сил пролетариата“. Газ. „Правда“ от 23 февраля 24 года, № 44.

движения на Кавказском побережьи, должна была по плану, несомненно, исходившему также от Ленина, вестись работа в Севастополе среди моряков и солдат крепости с призывом к последним перейти на сторону восставших матросов. Только дальность расстояния помешала великому революционеру-практику В. И. Ленину выполнить через инструктированного им товарища этот широкий, решительный замысел.

Тов. Ярославский добавляет, что все время В. И. за границей „внимательно по газетам следил за всеми эпизодами брожения в войсках“ (и флоте) и случаями столкновения царских войск с рабочими и крестьянами, собирая относящийся сюда материал. Отсюда — конспект статьи т. Ленина „Как готовить и организовать восстание“.

В печати на восстание „Потемкина“ т. Ленин откликнулся тремя статьями в заграничном „Пролетарии“ (№№ 7—9 1905 г.), помещенными в VI томе Собрания его сочинений: „Революционная армия и революционное правительство“, „Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана“ и „Революция учит“.

В первой из них т. Ленин говорит, что рабочее движение в Одессе и переход на сторону революции броненосца „Потемкина“ знаменует собой новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавного строя. Указывая на то, что всенародное вооруженное восстание развивается и организуется „на наших глазах“ под влиянием стихийного хода событий, В. И. подчеркивает „громадное значение“ одесских событий. Оно, по его словам, состоит в том, что здесь впервые „крупная часть военной силы царизма — целый броненосец—перешла на сторону революции“. Старания царского правительства скрыть восстание от народных масс бесплодно: „Ничто не помогло,—говорит т. Ленин:—посланные захватить революционный броненосец суда отказались бороться против товарищей“, и это событие стало известно массам [1]). В. И. добавляет, что правительство Николая II,

---

[1]) Справедливость этих слов подтверждают все обстоятельства „второй встречи“ эскадры с „Потемкиным“. Вспомним приветствия матросов революционному бр-цу, переход к восставшим „Георгия Поб-ца“, разоружение „Синопа“, проделанное самой командой.

Прибавим к этому, что в беседе автора наст. очерка с пережившим восстание военмором Дудиным, последний на вопрос, что, по его мнению, заставило командующего эскадрой отступить перед „Потемкиным“, ответил: начальство не надеялось на матросские команды — они бы не послушались.

огласив по Европе приказ потопить „Потемкина“, окончательно опозорило себя. Упомянув затем о том, как отразились всюду „11 дней“ „Потемкина“ (временное разоружение военных судов, отдельные восстания в Балтийском и Черноморском флотах, столкновения моряков с солдатами), т. Ленин заключает, что царское правительство „оказалось без флота“, и единственно, что ему удалось, это — удержать флот от активного перехода на сторону революции. — Такова точная, ясная формулировка итогов Потемкинского восстания..

А сам „Потемкин“? „Он,—говорит т. Ленин,—остался непобежденной территорией революции, и какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательный факт — попытка образования ядра революционной армии.“ „И никакие репрессии, — заключает В. И., — и частичные „победы“ царской своры не уничтожат значения этого события — «Рубикон перейден!»“

В развитии обще-народного восстания Ленин видит такие этапы: бунты — демонстрации — уличные сражения — отряды революционной армии, и в восстании „Потемкина“ усматривает последний этап. Потемкинцы — это первый отряд революционного флота — предтеча Красного Октября.

Переходя к одесской забастовке, конец которой совпал с приходом „Потемкина“, т. Ленин отмечает в „одесских днях“ черты старого бунта, но здесь же с удивительной зоркостью указывает, что „передовые волны стихийного потока“ докатились до твердынь самодержавия, и „передовые представители самой народной массы дошли уже не в силу теоретических соображений, а под давлением растущего движения до новых высших задач борьбы, окончательной борьбы с врагом русского народа“. Это именно те „новые высшие задачи“, которые застали одесскую организацию Р.С.-Д.Р.П. врасплох. „Они же диктуют, — говорит т. Ленин, — необходимость военного руководства массами“. (Его недоставало в „потемкинские дни“ в Одессе. *Ан. Г.*).

Вторая статья т. Ленина „Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана“ является превосходным памфлетом на царское правительство, оказавшееся перед лицом европейской буржуазии в позорном положении, будучи бессильным в борьбе с революционным „Потемкиным“. Тов. Ленин отмечает, что заграничная печать не находит слов... для достаточной характеристики позора, до которого довело себя самодержавное правительство. Верхом этого позора В. И. считает обращение царского правительства к Румынии и Турции с просьбой оказать содействие в борьбе с потемкинцами, рассматривая их как уголовных

преступников. „Здесь, — говорит т. Ленин, — сказалось, что „турки внутренние“ страшнее для русского народа, чем всякие «турки внешние»“. „Царю нельзя уже опереться на русские военные силы, и он выпрашивает помощи у иностранных держав. Трудно представить себе лучшее доказательство полного краха царской власти.“ Далее цитируются некоторые места из передовой «Times'а» („Таймса“), газеты, которую „никто уже не заподозрит в преувеличении сил и значения русской революции“. Характеризуя ноту царского министерства иностр. дел к турецкому и румынскому правительствам, как показатель бессилия русского царизма, „Times“ расшифровывает эту ноту словами: „...правительство царя унизилось до того, что умоляет турецкого султана и румынского короля... выполнить ту полицейскую работу, которую оно само для себя выполнить уже не в состоянии“. Замечая тут же, что „помощь Турции выразилась пока в усилении надзора за проходящими через Босфор судами, „Times“ говорит, что румынское правительство, „как и следовало ожидать от правительства нации, уважающей самое себя, отказалось рассматривать потемкинцев как уголовных преступников и этим гарантировало им безопасность на территории Румынии“. — Таким образом, заключает т. Ленин, румынское правительство, хотя оно и не было на стороне революции, не пожелало „унижаться до полицейской службы всеми ненавидимому, всеми презираемому царю всей России“. И прибавляет: „Вот как говорят теперь в Европе с русским самодержавным правительством, говорят те люди, которые еще вчера подобострастно кланялись «великому и могучему монарху»“.

И еще один прискорбный для царского правительства эпизод с Румынией приводит Вл. Ильич: когда разыскивающий „Потемкина“ миноносец „Стремительный“, команда которого состояла почти сплошь из „верноподданного“ офицерства, пришел в порт Констанца с намерением взорвать „Потемкина“, то румынское правительство не замедлило внушить русским властям, что наблюдать за порядком в румынских водах — дело румынской полиции, а не царских ищеек.

Подводя итоги, т. Ленин рисует то глупое положение, в котором оказалось русское правительство: в своих оповещениях оно пугало иностранные державы „неприятностями“, которые причинят их судам бунтари „Потемкина“, а на деле оказалось, что „неприятности“ эти сыплются на „хозяев русской земли“ со стороны русского флота. Английские и немецкие газеты возмущаются задержанием и обыском судов, идущих из Одессы в Константинополь, и при-

ходят к выводу, что вовсе „не дело Европы помогать царю бороться против «Потемкина»“.

Несомненно одно, заключает т. Ленин, что переход „Потемкина“ на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу [1]), сопоставлению ее лицом к лицу с европейскими государствами. Подчеркнутые слова говорят, какое большое значение придавал В. И. Потемкинскому восстанию, зная его минусы, его „неразвитость“, неорганизованность.

Отвечая французской газете „Matin“ („Матэн“), отмечающей в восстании на „Потемкине“ недостатки „в организации революции“, т. Ленин со свойственной ему прямотой заявляет: „Тут есть большая доля правды, несомненно. Мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции. Мы повинны в слабости сознания некоторых соц.-дем. насчет необходимости организовать революцию... пропагандировать необходимость временного революционного правительства. Мы заслужили то, что нам, революционерам, делают теперь буржуазные писатели упрек по поводу плохой постановки революционных функций“. „Но, — прибавляет т. Ленин, — заслужил ли упрек этот броненосец „Потемкин“ — мы не решаемся сказать“. Во всяком случае т. Ленин признает несомненную, большую заслугу „Потемкина“ в том, что в его лице — „...Русская революция об'явила Европе об открытой войне русского народа с царизмом“. Правда, это „лишь первая слабая попытка“, но „лиха беда — начать“, говорит пословица. Приветствуя отклики на восстание „Потемкина“ в армии, среди рабочих и крестьянства, т. Ленин кончает статью словами:

„Да здравствует же революционная армия!
Да здравствует революционное правительство!“

„Революция учит“ — таково заглавие третьей статьи т. Ленина, в которой он развивает ту мысль, что „необходимо как можно чаще проверять принятые тактические решения на основании новых политических событий“. Революционная эпоха, в частности русская революция, дает необычайно богатый материал для „проверки заранее выработанных нами решений и для самых назидательных уроков относительно нашей практической деятельности“. С этой точки зрения Владимир Ильич рассматривает одесские события (в связи с восстанием на „Потемкине“). Признавая

[1]) Рязрядка наша. *Ан. Г.*

с грустью, что исход восстания — „неудача горькая, поражение тяжелое“, т. Ленин предлагает не считать эту неудачу сплошным минусом в революционной борьбе. Напоминая изречение Энгельса: „Разбитые армии превосходно учатся“, т. Ленин говорит, что эти слова „применимы еще несравненно более к революционным армиям, пополняемым представителями передовых классов. Пока не сметена прочь старая, прогнившая надстройка, заражающая народ своим гниением — до тех пор всякое новое поражение будет поднимать новые и новые армии борцов“.

Переходя к революционному опыту, В. И. подчеркивает ту мысль, что массе приходится больше всего учиться на собственном опыте, оплачивая тяжелыми жертвами каждый урок. Таков урок 9 января, такова же и роль одесского восстания. Тяжелый этот „урок“, но „он научит теперь революционный пролетариат не только бороться, но и побеждать“. И одесские события, в конце своем связанные с „Потемкиным“, вызывают у т. Ленина восклицание: „Революционная армия разбита—да здравствует революционная армия!“

XX. Отклики восстания.

В одной из приведенных выше статей т. Ленин, говоря о том, как на первых же порах откликнулся флот на Потемкинское восстание, перечисляет такие факты, относящиеся к 1905 г., как новые волнения на сдавшемся „Георгии Победоносце“, восстание матросов в Либаве и Кронштадте, учащающиеся столкновения матросов с войсками, возмущения на целом ряде военных кораблей, как „Минин“, „Александр II“ и т. д., и приходит к тому выводу, что никакие репрессии не уничтожат значения восстания на „Потемкине“, и „новые, еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в Черноморском флоте“ [1]).

Пророчество вождя мировой революции сбылось. Сравнительно небольшой материал о последующем за Потемкинским восстанием революционном движении во флоте убеждает нас в том, что восстание это, как ни трагичен его конец, стало великим моментом российской революции. Стоит только перечислить восстания моряков в следующие за „Потемкиным“ годы, чтобы оценить ту роль, которую сыграло первое вооруженное восстание во флоте, послужившее как бы боевым сигналом к непрекращающимся

---

[1]) „Революционная армия и революционное правительство“. Н. Ленин. Собрание соч., т. VI. Госизд. 1923 г.

заговорам, волнениям и восстаниям на различных военных кораблях и в морских крепостях. К тому краткому перечню восстаний на военных судах, который приведен в статье т. Ленина, мы должны прибавить прежде всего известное „Очаковское восстание“, связанное с именем лейтенанта П. Шмидта, имевшее место в ноябре 1905 г. Как известно, восстание это, подавленное с истинно зверской жестокостью адмиралом Чухниным (вспомним расстрел из пулеметов спасающихся вплавь с пылающего „Очакова“ матросов), поглотило массу жертв и завершилось казнью (на о. Березани) Шмидта и его сподвижников. Но „свирепое“ усмирение Очаковского восстания не заставило военморов отказаться от „традиций «Потемкина»“: следующий 1906 г. ознаменовался несколькими восстаниями во флоте.

Кронштадтские моряки, отозвавшиеся на восстание „Потемкина“ еще в октябре 1905 года (предано суду 208 матросов), вновь поднимают восстание в ночь с 19 на 20 июля 1906 года. Это 2-е восстание кронштадтцев происходило без всякого руководства и потерпело неудачу. Так же неудачно было происшедшее в то же время и восстание матросов на броненосце „Память Азова“ в бухте Ревеля. Оно было жестоко подавлено; вслед затем—царский суд и кара: 18 человек было приговорено к смертной казни, 4 человека получили каторжные работы на разные сроки. В кратком сообщении о смертной казни участников восстания читаем: „Матросы отказались причащаться. Их трупы были выброшены в море“.

17—20 июля 1906 г. произошло вооруженное восстание в Свеаборгском порту, подготовленное энергичной работой соц.-дем. подполья, при чем моряки сосредоточили свои силы в морских крепостях, на отдельных островах. Царское правительство принуждено было вести правильную осаду островов с укрепившимися на них матросами-революционерами: острова подверглись бомбардировке, которая продолжалась 15 часов и кончилась „победой“ морского начальства. В результате несколько судебных процессов, по которым к суду было привлечено 683 артиллериста, 300 пехотинцев и 100 матросов. По приговору суда 28 расстреляно, остальные—и их было большое число—сосланы в каторгу. Это значительное восстание в Балтийском флоте, начавшееся одновременно в Кронштадтском и Свеаборгском портах, происходило, как сообщает Пав. Дыбенко в своем очерке („В недрах царского флота“), по заранее подготовленному плану; но были и отдельные, самостоятельные выступления против морского начальства на судах Балтфлота—на броненосцах „Слава“ и „Адмирал Лазарев“ и на

учебном судне „Европа“. И здесь, конечно, не замедлила жестокая расправа.

В том же 1906 году, но несколькими месяцами раньше, имело место восстание в Сибирском флотском экипаже, на крейсерах „Жемчуг“ и „Терек“, на транспортных судах „Аргунь“ и „Шилка“ и на миноносце „Бодрый“. Последовала затем кара: 3 смертных казни, 348 человек приговорено к тюремному заключению и к ссылке в каторжные работы.

В 1907 году вспыхивают восстания в командах эскадр Балтийского и Черноморского флота на Дальнем Востоке и на некоторых судах Владивостокского порта. В этом же году было крупное восстание на броненосцах „Синоп“, „Три Святителя“ и „Ростислав“, участвовавших в 1905 г. в походе на „Потемкина“.

В годы беспросветной реакции, в период с 1908 г. по 1910 г., во флоте временное затишье, и лишь отдельное „возмущение“ было в Либавском флотском экипаже. Но начиная с 1912 года—новый период мятежей моряков, подготовивших почву для Великой Русской Революции. В 1912 г. „в недрах флота“ шла лихорадочная подготовительная работа к восстанию, которое приурочивалось к назначенному в июле походу за границу. Восстание намечено было в ночь на 22-е июля; центром его являлся броненосец „Цесаревич“. Заговор был раскрыт через царских шпионов—за несколько часов до восстания. Последовали аресты, которые шли несколько месяцев; масса матросов была брошена в тюрьмы; затем суд, казни и ссылка. Эту историческую справку закончим много говорящими цифрами, илюстрирующими расправу правительства Николая-Кровавого с революционерами-моряками после „Потемкина“ [1]). За время с 1906 г, по 1910 год из общего числа 45.000 человек команды было осуждено за восстание или за подготовку к восстанию—5.757 человек. Приговорено при этом: к смертной казни—149 ч., к лишению всех прав и к ссылке в каторжные работы—1.042 ч., к отдаче в исправ. арест. отделения—1.744 ч., к заключению в крепости—20 ч., к отдаче в дисципл. батальон—2.147 ч., к заключению в военно-морскую тюрьму—356 ч., к дисциплинарным взысканиям—299 ч. Всего осужденных и казненных (за 4½ года)—5.757 ч.

Комментарии излишни. Эти цифры свидетельствуют о том, каким могучим эхом отозвался весь флот на восстание

---

[1]) Пав. Дыбенко: „В недрах царского флота“. Книгоиздат. „Коммунист“. Москва, 1919 г.

14 июня 1905 года. Начиная с 1905 года моряки почти каждый год поднимали восстания.

Эти ежегодно вспыхивающие восстания „воспитывали среди моряков тех беззаветных баррикадных борцов, которые в 1917 году вынесли на своих плечах пролетарскую революцию“ и создали Красный Рабоче-Крестьянский флот.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. сочинений. Т. VI. „Гос. Изд.“ 1922 г. „1905 год“.
2. [redacted]
3. „Революционный броненосец «Князь Потемкин Таврический»“. Изд. Р.С.-Д.Р.П. Харьков, 1917 г.
4. Н. Коваленко — „11 дней на «Потемкине»“. „Былое“, 1907 г., кн. 2—4.
5. Кирилл — „11 дней на «Потемкине»“. Спб., 1907 г.
6. „Революция в Крыму“. Историческаи библиотека Истпарта ОК Крыма. „Восстание на «Потемкине»“, ст. Жукова.
7. „Восстание на броненосце «Потемкин Таврический»“. Воспоминания, материалы и документы. Под редакцией и со вступительной статьей В. И. Невского. Изд. Москва, 1924 г.
8. Н. Ростоцкая — „Потемкинские дни в Одессе“. Изд. „Наш голос“. Спб., 1906 г.
9. Пав. Дыбенко — „В недрах царского флота“. Книгоиздат. „Коммунист“. М., 1919 г.
10. „Красное знамя над Черноморской эскадрой“. Москва, изд. „Кр. Нови“.
11. „Моряки Первой Революции“. Изд. „Молодой Гвардии“. Москва, 1923 г.
12. Воспоминания В. А. Поссе.
13. Васильев-Южин — „Восстание на «Потемкине Таврическом» и Ленин“. „Мол. Гвардия“, Ленинский № „М. Гв.“.
14. Красный военный флот. Москва, 1923 г.
15. Альманах. „Сборник по истории анархического движения в России“. Т. I, 1919 г.
16. „Начало“ — 1905 г., № 4.
17. „Искра“ — №№ 103—107, 1905 г.
18. „Пролетарий“ — №№ 7—10, 1905 г.
19. „Революционная Россия“ — №№ 70—74.
20. „Освобождение“ — 73, 1905 г.
21. „Голос Минувшего“ — № 2, 1923 г.
22. М. Маршанская. „Матрос Черноморского флота А. М. Петров“. „Пролетарская Революция“, 1925 г. № 4 (39).
23. В. Камшицкий. „1905 г. в Севастополе“, Крым. Гиз. 1925 г.

Помимо указанных выше источников, автор настоящего труда пользовался данными рукописи „Материал о 1905 годе“, заключающий в себе сведения о восстаниях в Черноморском флоте 1905 г., сведения, составленные уполномоченным Военного Отдела Окротдела КПУ т. Гамзиным; правдивость их удостоверяется подписями почетных моряков Черноморского флота т.т. Дудина, Мартыненко и Карнаухова-Крайхова.

Ан. Г.

БИБЛИОТЕКА ИСТПАРТА

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
От Истпарта		3
Введение		7
I.	Накануне восстания	14
II.	Работа с.-д. партии в Черноморском флоте	18
III.	Вооруженное восстание	22
IV.	„Потемкин“ в Одессе	28
V.	Одесская забастовка и „Потемкин“	32
VI.	У трупа Вакулинчука	39
VII.	Варфоломеевская ночь	40
VIII.	На следующий день. Похороны Вакулинчука	42
IX.	Бомбардировка Одессы	44
X.	Навстречу эскадре	47
XI.	Новый союзник	50
XII.	Измена „Георгия Победоносца“	53
XIII.	Трагедия учебного судна „Прут“	57
XIV.	Первый приезд в Румынию	62
XV.	В Феодосии	65
XVI.	Второй приезд в Румынию	71
XVII.	Следствие, суд и приговор	77
XVIII.	Виднейшие участники Потемкинского восстания	82
XIX.	Ленин и Потемкинское восстание	89
XX.	Отклики восстания	96
Библиография		99

Цена 60 коп.

10020

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ", Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Телеф. 2-24-09

ოფ 1952
1920